

Екатерина Верхова

Две стороны.
Трань
правосудия

Екатерина Верхова

Две стороны. Грань правосудия

«Екатерина Верхова»

2021

Верхова Е. С.

Две стороны. Грань правосудия / Е. С. Верхова — «Екатерина Верхова», 2021

Будни в следственном отделе по расследованию магических и немагических преступлений с каждым днем все насыщенней: труп неизвестного на ярмарке, кража детей-сирот, обезумевший кукольник, ожививший своих марионеток... Еще и отшельники снова активизировались. Может, кто-то увидит в этом романтику, но Кире Форн и ее напарнику остается только засучить рукава и распутывать возникший клубок тайн и интриг.

© Верхова Е. С., 2021

© Екатерина Верхова, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Верховая

Две стороны. Грань правосудия

Глава 1

– Вчера я пытался навести порядок в кабинете, – задумчиво изрек Биран, перебирая стопку пергаментов.

– И? – не отвлекаясь от изучения полученной магограммы, уточнила я. То, что у напарника периодически наступают дни чистоты, я поняла давно. Даже смирилась с тем, что после его порядков я по полдня ищу важные улики и свитки на собственном рабочем месте.

– У тебя на столе я обнаружил волосы трупа, измазанные какой-то зеленой дрянью, отрубленный палец великана и завернутый в объяснения свидетеля шоколад.

– И? – повторила я, пытаюсь соизмерить пиковые значения с теми, что хранились в архиве. Что-то я упускаю, хотя интуиция подсказывала: разгадка близка. Черт бы побрал этих магов – вечно с ними какие-то проблемы!

– То есть ты полагаешь, что хранить на столе палец великана нормально? – театрально приподняв брови, поинтересовался Биран, облокачиваясь на спинку стула.

– На нем же заклинание заморозки, – неуверенно ответила я, рыская по столу в поисках списка дежурств по отделу.

– Поправка. Держать на столе замороженный палец великана – это вполне себе адекватно?

– Биран, – недовольно отвлеклась я. – Позволь тебе напомнить. Ты уже год работаешь в следственном отделе по расследованию магических и немагических преступлений. Причем работаешь не в управлении, и даже не в центральном околослужебном районе, где муха без разрешения старшего следователя не пролетит. А в Ландивичево, где срезать кошель у прохожего – то же самое, что и зевнуть, не прикрывая рта. Тут нет понятия «хорошо», «плохо» и тем более «нормально», а отрубленный палец на столе – неизбежность. Особенно после того, как нам отказались выдавать новое помещение под архив.

– Опять воюете? – в кабинет вошел Эликсанд Дак – наш с Бираном начальник. Вытянув полную шею, он стал что-то выискивать на моем столе. Так вот чей шоколад вчера изъят напарник! Лично я сладкое на дух не переношу с самого детства. А вот полноватый глава отдела вполне походил на любителя сладостей.

– Даже не ищите, – с притворным сочувствием вздохнула я. – У Бирана вчера засвербело в причинном месте, напал чистотун, и все важнейшие улики, включая вкуснейший долорийский горький, отправились в корзину...

– Я ничего не выкидывал! – возмутился напарник, не ожидавший подобной подставы.

– Ну, или своему прожорливому кактусу скормил, – мстительно ответила я. Что уж поделять – этот мерзкий цветок я не любила даже больше, чем порядок на столе и шоколад, вместе взятые. – Он у тебя любит улики подьедасть.

– Во-первых, Жорж Жоржастик не кактус! – обиженно протянул друг. Спорить с тем, что его нелепый представитель флоры сжирает важные улики, Биран не стал, слишком много примеров было для обратного. – А во-вторых, я сложил все в короб, нижняя полка слева. Шоколад как раз между образцами кожи утопленника – ну... того, что местные ундины на дно утащили за долги, – и нескольких объяснений, взятых с леших.

Эликсанд поморщился – он настолько давно находился в должности главы, что об истинной расследовательской деятельности узнавал только из наших с Бираном отчетов. Жорж Жор-

жастик примерно затаился за стопкой бумаг, шефа он побаивался, потому при нем активно строил из себя обычный цветок.

– Опять воюете, – поморщившись, повторил он уже утвердительной интонацией. – Кира, Биран, вы забыли, кто мы?

– Следственный отдел по расследованию магических и немагических преступлений, – заученно повторил Биран.

– А вот и нет! – торжественно ответил Элик. – На самом деле мы – семья!

– Вы это пытаетесь вдолбить в наши головы на протяжении всего времени, что я тут работаю.

– Кира Форн, – недовольно начал шеф. – Подобное я буду повторять изо дня в день, пока вы не привыкнете считаться с мнением друг друга, уважать интересы, подставлять плечо в трудную минуту...

Мы с Бираном сострадательно переглянулись: подобная лекция могла затянуться и на час, и на два, и на три. А если будем спорить, то заставит писать сочинение на тему «Тысяча и одна причина – за что стоит любить своего напарника». Помнится, к трехсотой меня начала подводить фантазия и пришлось вписывать такие примеры, как: «От него не воняет, как от бедняка, который несколько лет жил на болоте» и «Если бы вместо него моим напарником был Жорж Жоржастик, то было бы хуже». У Бирана я краем глаза подсмотрела такие причины, как: «Во время женских дней она не бежит за мной с штык-вилкой и не обещает проткнуть шею». Правда, потом Биран аккуратно зачеркнул дополнение про шею и вывел его в отдельный пункт.

Нет, нас с Бираном можно было назвать друзьями – даже близкими. Иными и не будешь, когда сидишь в засаде в канализации, а по тебе бегают мелкие склизкие крысята. Мы множество раз прикрывали друг другу спину, частенько проводили время вместе в баре, я даже знакома с его матерью, а он – с моей сестрой. Просто подобный стиль общения сложился с самого первого дня нашей совместной работы. И именно из-за него нашему начальнику постоянно чудится, будто мы терпеть друг друга не можем... Впрочем, недавно Биран высказал идею, что Эликсанд таким образом развлекается.

– ... а еще напарники даже ближе, чем супруги! – на высокой ноте произнес Элик, внимательно осматривая кабинет на наличие съестного. Именно из-за него все мало-мальски похожее на еду приходилось хранить в сейфе, формулу магического ключа которого мы якобы забыли еще несколько месяцев назад. Бывает, что на работе приходится задерживаться допоздна, а чапать в таверну в форме, в коей мы обязаны появляться на улицах города в случаях, указанных в уставе, совершенно невесело. И пропойцы тут же петь перестают, и игральные карты мгновенно пропадают со столов, и девушки, еще пару минут назад вываливающие сиськи на стол, а ноги – на чужие коленки, тут же становятся примерными благородными девицами. Не станешь же убеждать ночных постояльцев подобных заведений, что следователи – тоже люди, и если бы не форма, то мы точно так же беззаботно перекинулись бы в картишки и пропустили бы рюмашку-другую.

– Не самое удачное сравнение, шеф, – не удержался Биран. Эликсанд осекся и внимательно посмотрел на тату на запястье. На нем была изображена перечеркнутая руна брака. Еще год назад от главы ушла жена. Собирая чемоданы, она сообщила ему, что когда-то выходила замуж за человека, увлеченного ею, а не работой, и со сменой приоритетов мириться не намерена. После этого Эликсанд налег на мучное, жирное, сладкое – все вместе и побольше. И сколько мы с Бираном ни пытались – посадить шефа на диету было нереально.

– Конечно же! Бирану светит брак, только если его вторая половинка смирится с Жорж Жоржастиком, а это не-воз-можно! – отвлекая шефа от грустных дум, заявила я.

Ошибка флоры и фауны обиженно вытаращилась на меня желтыми колючками, нахохлив ярко-красный бутон, всем видом изображая возмущение. В театральных способностях этого недоразумения я не сомневалась, как и в мстительности. Однажды Жорж Жоржастик решил

меня укусить, когда я, опрашивая злодеев в присутствии маг-конвоя, повернулась спиной. За самое мягкое место. Ржали и злодеи, и маг-конвой, и Жорж Жоржастик.

– Не обижай его, он хороший! – протянул Биран.

– Действительно, зачем тебе супруга, если у тебя есть танцующий кактус, – пробормотала я.

– Кира! – рыкнул шеф. – Тебе не кажется странным, что весь твой гнев вечно падает на безобидный цветок, который с места-то сойти не может?

– Не такой уж он и безобидный! Я после его очаровательных ухаживаний, – про ухаживания не я придумала, Биран так оправдал Жоржа, – месяц сидеть не могла! Месяц!

– Кира!

– Хоть убейте, но писать сочинение на тему «Тысяча и одна причина – за что можно любить мерзкий кактус» я не стану, – на всякий случай заявила я, надеясь, что не подала шефу идею.

Спас робкий стук в черную деревянную дверь, изъеденную старостью и магическими боллами. Ими мы эту дверь закрывали, когда кто-то устраивал из нашего кабинета проходную, а нам самим было лениво делать это вручную.

– Входите, – хором крикнули мы с Бираном, облегченно вздыхая. Теперь точно избавились от нотаций начальства.

Дверь со скрипом распахнулась, на пороге стояла хрупкая женщина с зеленоватым лицом. Длинное серое платье, измазанное по низу в грязи, волочилось по полу, а с жиденьких серых волос стекали капли. Похоже, на улице льет как из ведра, а я и не заметила.

– Доброго дня, – кивнула я женщине.

– Вечера, – тихо заметила пришедшая, одергивая юбку, словно это могло скрыть ее старость и избавить от грязи. На вид постучавшей было лет сорок, хотя что-то мне подсказывало, что она многим моложе. – Простите, что так поздно, мне долго добираться до города. А остановку на постоялом дворе муж бы не одобрил... да и не до жиру.

– Вы присаживайтесь, – произнес начальник, бочком подвигаясь к двери. Хотя в его случае хоть бочком, хоть напролом – все одно. – Кира, Биран, жду подробного отчета.

Женщина неуверенно вошла в кабинет, пропуская шефа в коридор. За ней тянулась мокрая дорожка стекшей с одежды воды. Не дело это...

– Как вас зовут? – поинтересовалась я.

– Лиридана, – хрипло ответила она.

– Лиридана, вы не против, если в отношении вас я применю магию просушки? – необходимая формальность. Если бы я без спроса применила магию, то на Бирана свалилась бы куча бумажной волокиты по факту несанкционированного применения магии без согласия пострадавшего.

Женщина вздрогнула, словно я ее ударила, беззвучно что-то проговорила, но после неуверенно кивнула. Размяв пальцы и шумно выдохнув, я начала вспоминать формулу просушки. Главное – не перемудрить с количеством вкладываемой энергии, иначе вместо сухой Лириданы мы получим Лиридану прожаренную. И тогда Бирану придется заполнять кучу свитков уже по факту убийства. Внутренне нащупав нужные векторы, я с шумом выдохнула, пропуская через пальцы поток магической энергии и направляя ее в сторону женщины. Теплый воздух закружился вокруг пришедшей, развеивая ее юбку и просушивая каждый кусок ткани. Так-то лучше.

– С-спасибо, – запнувшись, произнесла Лиридана.

– Теперь к делу, – уже более холодно и безэмоционально ответила я. – Вы к нам по какому вопросу?

– Мой муж... Он пропал. Отправился на ярмарку выходного дня в этом районе и больше не появлялся.

Ярмарка выходного дня закрылась позавчера ночью. Вчера бойкие торговцы еще торговали: по дешевке распродавали не разошедшийся в выходные товар. Следовательно, сегодня окончательное завершение ярмарки. Рановато она пришла для заявления, еще и недели не прошло, не говоря уже о положенных четырнадцати сутках.

– Лиридана, где вы проживаете?

– В болотных землях, лиг в десяти от окраин. Мы с мужем отшельники, – пояснила она. – Потому его задержка так... беспокоила меня. Он же только за лекарствами ходил, остальное все свое... родное, с огородов.

Мы с Бираном переглянулись: новый висяк на нашу голову. Дел о сбежавших мужьях у нас пол-архива, а тут еще и условия спорные для мужика.

– Лиридана, вы бы еще подождали, вдруг вернется, – мягко произнесла я. – Мы в любом случае пока ничего сделать не можем, а само заявление имеем право принять только по истечении четырнадцати суток...

– Но я сердцем чувствую – что-то не так! – женщина поджала губы, на глазах проявились слезы. – Понимаете, как ниточка между нами была. А вчера раз... и пропала. Мы истинной парой были, нет сейчас таких. Все-все чувствовали, что друг с другом происходит, потому и ушли от соблазнов людских подальше. А вчера – как оборвало... Я сразу в город засобиралась, вот только дошла и сразу к вам!

Жорж Жоржастик театрально приложил клочок какой-то бумажки к крупной колючке посередине, словно пародировал шмыганье носом. Он любил подтрунивать над проходящими. Пожалуй, самый бесчувственный среди нас.

– Лиридана, вы поймите, мы ничего сделать не можем, – ласково произнес Биран. – Пока не можем. А потом, вполне вероятно, и надобность пропадет.

Женщина раскрыла было рот, собираясь возразить, как в дверь вновь постучали, и она тут же распахнулась. В комнату вошел молодой парень, занимающийся получением магических вестников.

– Кир, там трупак на ярмарке обнаружился, – с ходу сказал Шон. Лиридана охнула и прижала руки к груди, Жорж Жоржастик спародировал ее движение. – Вроде как сердце остановилось, а там кто знает... Ой, у вас люди.

– Закрой дверь с той стороны, – рявкнула я.

Только обмороков нам тут не хватало! Сотню раз твердила, чтобы в присутствии граждан сообщал о новостях более умеренно. Ну, сейчас хоть подробности из рапорта стражей не стал перечислять, а то бывало, с восторгом в глазах начинал рассказывать о размере трупных пятен и количестве гнойных выделений прямо в присутствии молоденьких дам.

– Ну... там... требуют, – обиженно протянул парень.

– Выйду через минуту, – ответила я, рыская по столу в поисках пустых свитков для заполнения на выезде. Черт бы побрал этого Бирана с его порядками!

– Леди следовательно, – тихо обратилась ко мне Лиридана. Я поморщилась от подобного обращения. – Позвольте мне с вами... Вдруг...

Я с сомнением посмотрела на побелевшую женщину. С одной стороны, если там и правда окажется ее муж и она опознает труп, то мне многим меньше мороки – не придется выстраивать магический путь и выяснять, кому принадлежало тело, не придется заполнять тонну бумаг, не придется направлять запросы в разные инстанции и разыскивать родственников и близких. С другой – женщину мне по-человечески жаль. С третьей – может, там вообще не ее муж, а пропойца какой-нибудь.

– Хорошо, – приняв решение, ответила я. – Пройдемте со мной.

Место, где проходила ярмарка выходного дня, располагалось в нескольких минутах ходьбы. Благо к тому моменту, как мы вышли на улицу, дождь уже закончился, а из-за туч

выглянуло солнце. Свернув в очередной из проулков, я чуть не стала жертвой произвольного выброса помоев из окна. Вот казалось бы, столько способов избавиться от мусора, но некоторые жители трущоб все равно предпочитают по старинке, словно отдают дань памяти более древним предкам, не умеющим использовать магию во благо быта. Воняло, кстати говоря, соответствующе. Стены были измазаны какой-то липкой дрянью. Пожалуй, стоит вызвать сюда чистильщиков. Пусть хоть иногда выполняют свою работу! Может, и у жителей поутихнут желания гадить там, где живут.

– У вашего мужа были проблемы с сердцем? – вспоминая слова Шона, уточнила я.

– Так за лекарствами как раз из-за этого и ходил: то и дело прихватывало, – хрипло ответила Лиридана.

За резким поворотом мы увидели небольшую площадь. Серые стены домов блестели в лучах солнца, а проезжая часть радовала малым количеством народа. Часть прилавков уже давно собрали, другую разбирали сейчас, сматываядвигающиеся постеры в трубочки и расколавшая «минутные» прилавки. «Вас побеспокоил зуд – срочно мажься кремом Мазут», «Не познал ты воли, коль не сделал тату боли» и «Сделаем ваши зубы белоснежными, ровными и крепкими», где внизу мелким шрифтом было приписано: «Клиентам с желтыми кривыми и крошащимися просьба не беспокоить» – еще не самые дурацкие «заманухи», популярные на ярмарке.

Возле небольшого проулка, заставленного бочками, столпились стражники в бело-голубых кирасах. Похоже, нам именно туда. Поздоровавшись со знакомыми, я попросила Лиридану подождать в стороне, а сама впритык подошла к бочкам и заглянула. За ними лежал мужчина, на вид лет сорока. Совсем свеженький, хотя мухи уже успели отложить личинки, а по воздуху разносился неприятный запах. Но кого удивляет подобный запах после ярмарки да мух? Странно, что его вообще так быстро нашли, а ведь еще и дождь прошел...

Достав из кармана магическое стеклышко, определяющее последние шаги пострадавшего, я с шумом выдохнула. Магия никогда не давалась мне легко, каждый раз приходилось настраиваться. Пропуская через глаза поисковые векторы, направила их на стекло. Труп тут же окрасился в ярко-розовый цвет, заметный только при таком зрении. Следы от его ботинок вели с ярмарки и до места происшествия – следовательно, он дошел сюда сам и его никто не тащил. Шаг был чуток косоват, словно мужчине стало плохо и он, спотыкаясь, пробирался к месту, где меньше людей.

– Кир, да тут и так ясно, – лениво произнес один из стражников. – Сердечко не выдержало местных цен и сдало.

– Должна же я проверить, – пожала плечами я. – Но вообще, похоже на то.

– Путь проверять сейчас будешь или можно вызывать трупосильщиков?

– Вызывай, – вздохнула я. – Со мной, возможно, та, кто знал пострадавшего. Лиридана?

Женщина услышала мой оклик и медленно направилась к нам. Она сама сейчас больше походила на умертвие: бледная, лохматая, грязная... Было заметно, что каждый шаг дается женщине непросто – она медленно переставляла ноги, боясь заглядывать мне за спину. Тонкую нижнюю губу она с силой закусила, а кулаки крепко сжала. Я множество раз ездила с родственниками погибших на немагическое опознание, сотни раз наблюдала разные реакции, но впервые видела обреченность. Словно Лиридана заранее знала, что надежды на какой-то благоприятный исход, пусть хоть и в виде супружеской измены или алкогольного загула, нет.

Женщина наконец подошла поближе и, громко сглотнув, посмотрела на тело. В течение нескольких секунд молчала, а после, шумно выдохнув, хрипло произнесла:

– Он...

Стражники облегченно вздохнули, даже не пытаясь скрыть подобную реакцию от супруги умершего. У них тоже бумажной волокиты поубавилось: есть опознавший, опознавший – род-

ственник, есть доказательства тому, что на место происхождения мужчина прибыл самостоятельно, что у того не выдержало сердце, – дело закрыто.

Самый большой минус работы в королевских органах преследования преступлений и дознания заключается в том, что все служащие со временем становятся бесчувственными. И человеческие эмоции постепенно превращаются лишь в часть работы, исключая такие чувства, как сострадание, сочувствие и понимание. В стремлении поскорее заполнить протокол, мы упускаем тот факт, что человек, к примеру, лишился близкого родственника. Нам важнее составить отчет о проделанной работе, чем успокоить жертву изнасилования.

Лишь поначалу каждым движет максимализм, желание сделать мир добрее, чище, лучше, но потом приходится задерживать дыхание, отключать эмоции и с головой погружаться в чужое дерьмо. Постепенно привыкаешь даже к запаху, а на человеческий идиотизм обращаешь внимание только в рамках работы. Спустя год работы в подобном ритме я постаралась отключить эмоции и... почувствовала себя трупом. Кто-то говорил, что если ничего не может вывести тебя из себя, довести до истерики или сильного эмоционального стресса, то ты уже умер. Иногда мне кажется, что как минимум половина коллег – ходячие умертвия. А я? Я очень стараюсь любить свою работу.

– Лиридана, пойдемте, – тихо произнесла я. – Вашего супруга заберут и о его местонахождении сообщат.

– Я хочу похоронить его сама, он не хотел бы оказаться бок о бок с грязными городскими выродками, – резко выдохнула женщина.

Глаза женщины из серых вдруг стали ярко-зелеными, словно источавшими легкое свечение. С кончиков ее пальцев посыпались крохотные искры, с тихим треском опадающие на брусчатку, разбиваясь и потухая при столкновении с холодным камнем. При сильном стрессе подобный выброс магической энергии – нормально, особенно если не используешь потенциал ежедневно.

Один из стражников громко присвистнул – для него отшельники были в новинку. Ранее он никогда не сталкивался с их ненавистью к городским так близко, так же как и не встречал подобного презрения среди граждан к жителям болот. Эта взаимная, но почти невидимая грань человеческих предрассудков до сегодняшнего дня всегда обходила его стороной.

Несколько месяцев назад была целая серия убийств, четко спланированная одной из группировок затворников. Дело было настолько тяжелым и громким, что мы с Бираном сутки напролет проводили на работе, разыскивая новые крючки, улики и выискивая свидетелей. До сих пор приходится отчитываться перед Королевской канцелярией, забравшей дело на исследование.

– Лиридана, – окликнула я женщину. – Пойдемте в отдел, вы подпишете документ о том, что забираете тело, и направим трупосильщиков по нужному адресу.

– Адресу? – усмехнулась женщина. – Да ни одна повозка не проберется туда, куда надо. Вы, городские, настолько привыкли к удобствам и комфорту, что крупная коряга или глубокая лужа стали для вас непосильным препятствием!

Кажется, у дамы начинается истерика.

– Вы полагаете, что нести труп на плечах до нужного вам места – отличная идея? – поинтересовался Ларк, стражник, с которым мы были знакомы уже года два. – Идите с Кирой. Оттого, что вы будете находиться тут, легче никому не станет.

Было что-то в его голосе, всегда успокаивающее людей. Может быть, грубая разумность, действующая на людей как кувшин с ледяной водой.

Глава 2

– Если я в равной степени терпеть не могу как людей, так и отшельников, могу ли я считать себя новой кастой? – поинтересовалась я у Бирана, когда выпроводила Лиридану из отдела, посадив на служебную повозку и пообещав, что трупосильщики в целости и сохранности доставят тело мужа до ее «четыреста шагов от болота, после десять шагов от третьей справа березы на юго-запад, а там уже и моя лачуга...»

– Нет, ты просто принадлежишь к касте следователей, – ответил Биран. Напарник капал Жоржу Жоржастике какие-то мутные капли на бутон, тому казалось, что недосуккулент заболел. Жоржу это явно не нравилось, но он стойко терпел заботу своего любимого хозяина.

– Я не хочу ничего делать, – застонала я, откидываясь на спинку стула. Она с треском отклонилась назад, но выдержала. – А у меня еще этот несчастный материал о пропавших с витрины пирожках... Как будто, дладж, в этих пирожках золото было напихано. Хозяин лавки уже проел всю плешь!

В дверь постучали. В кабинет вошли двое стражников с ярмарки – Ларк с незнакомым мне напарником.

– Свитки по сегодняшнему телу, – тут же объяснил приход Ларк, помахав бумагами. – Биран, дня!

– Дня, – весело ответил мой напарник, отставляя Жоржа на край стола. – Как ваше стражеское ничего?

– Цветет и тухнет, – ответил Ларк. – Полночи сегодня носились по тавернам и разнимали пьянчуг, поймали пару малолеток и несколько попрошаек. В общем, ничего нового.

– Мм, а я так сладко спал, – потягиваясь, ответил Биран. – До конца квартала все мои ночные дежурства теперь Кирины.

Ларк удивленно вскинул брови, посмотрев на меня с немым вопросом. Я мысленно застонала, черт же дернул поспорить с напарником на такую высокую ставку.

– Дело в фокуснике, – пояснил Биран. – Кира говорила, что там есть явные признаки магии, а я говорил, что паренек исключительно руками работает и кошель срезает без использования магического резерва. Вот и поспорили. Экспертиза показала, что он чист, а те самые следы, которые Кира приняла за признаки, были ничем иным, как сглазами, которые насылали на фокусника те, кто не сумел сразу поймать за руку. Так пришлось открывать новое дело, но... зато я без ночных дежурств.

– Кира! Биран! – в кабинет вошел шеф, заполняя своими телесами все оставшееся пространство. – Опять в Королевскую канцелярию вызывают!

Я медленно и незаметно начала сползать под стол. Может, шеф и не заметит меня за Ларком, ненароком прикрывшим ему обзор.

– Я в прошлый раз ходил! – возмутился Биран. – Мне на всю оставшуюся жизнь хватило! Этот их начальник взял дело под свой контроль и теперь скрупулезно проверяет каждую мелочь, о которой мы сообщили в отчете.

– Кира, не пытайся спрятаться, я все вижу, – недовольно произнес шеф.

– Я там уже дважды была, – из-под стола возразила я. – Пусть Биран идет, а то у меня столько дел...

– Помыть полы, к примеру? – ехидно поинтересовался напарник. – Или у тебя улика упала и ты ее внимательно разыскиваешь?

– Улики я буду разыскивать только внутри твоего недокактуса, – огрызнулась я.

Жорж раздул лепестки цветка, искоса наблюдая, не смотрит ли на него шеф. Как будто маленький ребенок показывает язык и боится получить ремня от взрослых.

– Сразу после того, как съездишь в канцелярию, – безапелляционно дополнил начальник.

В моей голове возник коварный план.

– Шеф, а если я там совсем допоздна задержусь, то можно Биран за меня сегодня отдежурит? Вы же знаете, как выматывает всякая бюрократия, а они наверняка не из-за простого косяка позвали...

– Можно, – махнул рукой шеф. С лица Бирана тут же сползла усмешка, освободив место для недовольно поджатых губ.

– Отличненько, – весело произнесла я, в глубине души надеясь, что с канцелярией все же разберусь быстро и смогу освободить себе вечер. Не медля, схватила небольшой ридикуль с крепкой цепочкой, не раз спасавшей мне жизнь, и скрылась за дверью.

Не успела я выйти на улицу и нажать кнопку, вызывающую служебный экипаж, как за мной выскочил Ларк с теми же свитками.

– Кира, подпись, – напомнил он.

– Ай, точно, – ответила, распахнув сумочку, чтобы достать самопишущее перо. На камень тут же упали монетки, несколько фантиков и пустых пергаментов. Ларк по-джентельменски преклонился на колени, бормоча что-то про магию женских сумок. Я невольно залюбовалась блестящей лысиной, которую стражник отчаянно скрывал собранными в хвост волосами.

А в сумке моей и правда была заключена магия. Разумеется, денег на настоящую сумку от «Пятумуса Измерениуса» мне бы не хватило, но на черном рынке однажды нашла прототип – небольшой дамский ридикуль, в котором могло поместиться до пятидесяти килограмм, но весить он при этом будет не более двух. Увы, как и у всей продукции кустарного производства, и у этой вещицы был недостаток – каждый раз из нее что-то выпадало.

– Ой, спасибо, – поблагодарила я, отвлекаясь от разглядывания Ларкового темечка. Гномью мазь ему, что ли, на день рождения подарить? Уж кто-кто, а бородачи знают толк в пышной шевелюре.

Ларк протянул выпавший хлам. Затолкав его обратно, я нашарила перо.

– Как у тебя терпения хватает работать с отшельниками, недавно они тебе всю кровь выпили, – внезапно произнес он, протягивая мятый свиток.

– Как у тебя хватает терпения работать с пропойцами и крестинами, – в тон ответила я, ставя на бумаге закорючку. – Это наша работа.

– Не пристало девушке прозябать в отделе, – недовольно произнес он. – Особенно такой.

– Какой? – легкомысленно поинтересовалась я. Из-за угла показался рабочий экипаж со знаком ведомства – зеленый круг, внутри которого были изображены весы. На одной части – человеческое сердце, символизирующее доброту и понимание, на другой – острый кинжал, являющий прообраз расплаты за злодеяние. Столбик обвивал зеленый, в тон кругу, плющ.

– Красивой и обаятельной, – усмехнулся Ларк и, забрав свиток, поспешил вернуться в отдел.

Красивой и обаятельной? Ха. На всякий случай глянув в стекло экипажа, я удостоверилась, что Ларк просто пошутил. Темные жесткие волосы, вопреки моде, свисали до середины шеи, с трудом прикрывая сильно выпирающие уши. Крупные серые глаза с не менее большими синяками под ними, нос полукартошечкой и обветренные губы.

Широкий каменный мост, как всегда, бурлил своей жизнью. Он был порталом из бедных районов в богатый. Туда-сюда сновали торговые повозки, экипажи с приезжими, пешие путники и простые жители. По поручням моста выхаживали павлины, созданные искусными магами для улады глаз прохожих и проезжающих. Легко колышущиеся хвосты переливались всеми цветами радуги, а перламутровые туловища приковывали взгляды тех, кто ранее не пересекал границу. Если с внешней стороны реки бедняки были готовы глотки друг другу рвать лишь за один лутый, то с внутренней ставки были на золотые слитки. Снаружи трахали портовых шлюх, а в центре предпочитали элитных проституток с родословной. Одни кутались

в дешевую одежду, если не лохмотья, когда другие заворачивались в соболиные меха даже в летний зной. С внутренней стороны реки нужду справляли в блестящие фаянсы, а с внешней – в подворотнях или деревянных общих нужниках, мало кто мог себе позволить жилье с удобствами. Одни обливались потом на трех работах, а другие прыскались изысканным парфюмом. Богатые вкушали паштеты из фазанов, а бедные набивали брюхо похлебками и мокрым хлебом. Люди везде одни и те же, разными остаются лишь условия жизни и кон.

В самом центре внутреннего островка, окруженного широкой речкой, возвышался дворец, шпили и узорчатую крышу которого можно было приметить еще с моста. Белый камень блеснул, а стеклянные окна играли бликами в солнечных лучах.

– Остановите, пожалуйста, – крикнула я молчаливому кучеру, стукнув по стенке экипажа. Заскрипели колеса, на которые в ту же секунду бросили тормозные чары, фыркнула лошадь, и повозка остановилась.

Страхнув с брюк невидимые пылинки и выправив рукава форменного укороченного жакета, прикрывающего лишь шею и плечи, я выскользнула на брусчатку. Кивнув кучеру, чтобы отправлялся в отдел – доберусь как-нибудь.

В такую мягкую солнечную погоду не грех десять минут потратить на прогулку. Узкие улочки, переходящие в широкие улицы, яркие аляпистые вывески, вкуснейший аромат свежее испеченной сдобы, пестрые наряды, сверкающие камнями на витринах одежных лавок, – красота.

В Королевскую канцелярию я пришла почти вовремя. Известив местную стражу, что я следователь из Ландивичева, я уселась на мягкие кресла в зале ожидания. Не успела я как следует расслабиться, как за мной спустилась молоденькая девушка, разодетая по последнему писку моды – в длинную, подметающую полы юбку и верх со строгим корсетом, украшенным цветочной вышивкой. Высоким голосом она потребовала, чтобы я следовала за ней. С Королевской канцелярией всегда так: даже если человек занимает пост обыкновенного помощника, к работнику районного отдела отношение будет пренебрежительное. Как по мне, так зря. Я бы хотела посмотреть на реакцию расфуфыренной барышни, если та увидит, предположим, утопленника, ну или к ней завалится великанша, со слезами на глазах заявляющая, что ее изнасиловал лепрекон. Когда мы с Бираном выяснили, чем именно он ее насиловал, то с трудом сдержали смех. Жорж Жоржастик же чуть не растерял все колючки, пока беззвучно трясяся в конвульсиях – ему-то об этике думать не надо.

Девушка вела меня длинными коридорами, широкими лестницами и светлыми рекреациями. Перед большой темно-коричневой дверью она замешкалась, пропуская меня вперед.

Просторный кабинет в темном дереве, огромное количество полок с пухлыми пергаментными папками и свитками, большой стол, на котором царил идеальный порядок, Биран был бы в восторге – и чего только ехать не хотел.

– Подождите минуту, месье Леннарт скоро прибывает.

После чего дверь за девушкой тут же закрылась. Мда. Прекрасно... Вот и жди теперь. Усевшись на мягкий стул с высокой спинкой, я начала изучать живую карту на стене. По бумажной поверхности плавали корабли и рыбы, а по полям континента словно гулял ветер, шевеля нарисованные гущи деревьев. Это занятие подействовало настолько умиротворяюще, что я начала клевать носом, а после, подперев кулаком подбородок, заснула.

– Я. Сказал. Нет. – Жесткий громкий голос вырвал из сладостной неги, заставив вскочить на ноги. Хлопнула дверь, оставив за собой растерянную девушку, проводившую меня до кабинета.

– А вы еще кто? – недружелюбно поинтересовался мужчина, расслабля верхний крючок у рубашки.

– Кира Форн. Старший следователь отдела по расследованию магических и немагических преступлений района Ландивичево, – на автомате ответила я, стараясь незаметно протереть

глаза и губы. Как же неловко – заснуть прямо в кабинете «начальника всех начальников» – как в народе называли главу Королевской канцелярии. А Элександ мог бы предупредить, что именно на ковер к этому человеку меня проводят. Как там его зовут?! Девушка что-то говорила про Леннарта...

– А что вы делаете в моем кабинете? – тем же холодным тоном поинтересовался он. Видок у лорда Леннарта и правда был усталый, в глубине синяков под глазами он мог посоревноваться и со мной, а такую небрежную недельную щетину себе не позволял и наш кучер. Но светлые длинные волосы, собранные в хвост, блестящие, а рубашка сверкала белизной.

– Ожидаю вас, – вежливо ответила я.

– А как вы в него попали? – пристально уставившись мне в глаза, поинтересовался лорд Леннарт.

– Девушка, которой вы ясно дали знать о своем несогласии с ее позицией буквально полминуты назад, впустила и наказала ожидать, – еще более сдержанно ответила я.

– А, Лора, – раздраженно кивнул лорд. – Она пару дней тут, еще не освоилась, а уже мнит себя знатоком. Терпеть не могу этих выскочек, идущих в органы следствия за романтиками и женихами... Сами только вчера палача из рук выпустили, а уже учат жизни всех вокруг.

Я замерла, задержав дыхание. Судя по тому, что говорили об этом человеке, нечасто от него услышишь подобные речи. Несколько раз видел «начальника всех начальников» издали, он производил впечатление действительно жесткого, фактически безэмоционального человека. Видимо, эта девица его совсем доканала...

– Дладж! Женщинам вообще не место на такой работе, все им хиханьки да хаханьки...

Воистину дладж! Теперь из-за этой барышни мне выслушивать стенания лорда по отношению ко всем женщинам, и ко мне в том числе.

– Старший следователь, говорите? – уточнил он, облокачиваясь на свое кресло.

– Кира Форн, старший следователь, – в урезанном варианте повторила я.

– Прелестно, – поморщившись, проговорил он. – А что случилось с Бар... Бур...

– Бираном. Он ведет несколько срочных дел. Но не переживайте, именно я собирала материалы дела, которое вас так интересует, и могу предоставить информацию не хуже напарника.

– То есть Биран, получается, младший следователь? – уточнил лорд Леннарт.

– Именно, – осторожно ответила я. Стоит ли лорду знать, что при распределениях званий «младший» и «старший» мы учитывали лишь то, кто одержит победу в игре булыжник-резак-пергамент. Победил тогда Жорж Жоржастик, но его никто и следователем называть не планировал.

– Куда катится мир... – вполголоса произнес Леннарт.

– Лорд Арне. – Я вспомнила его фамилию! – Не могли бы мы перейти к сути вопроса. В десять часов вечера мост закрывается, а мне совершенно не хочется поднимать на уши стражу и требовать, чтобы меня пропустили обратно, и объяснять, что я задержалась исключительно по рабочим делам.

– Не переживайте об этом. Думаю, записка главы Королевской канцелярии раскроет для вас ворота моста и вы в полной мере насладитесь вечерней прогулкой. Может, пару преступлений за это время успеете раскрыть.

Я начинала закипать. На редкость неприятный тип... Но о начальниках либо хорошо, либо ничего, потому мне оставалось лишь молча смотреть ему прямо в переносицу. Об этом ходе мне рассказал Биран: смотришь человеку в переносицу, а ему кажется, что в глаза.

– Чай, кофий? – из-за двери раздался голосок той же девушки.

– Лора, – зарычал Леннарт Арне. А потом уже на градус мягче мне: – Вы будете кофий?

– Не откажусь, – массируя виски, ответила я. – Буду надеяться, что ваша помощница туда не плюнет.

– Она может, – глухо ответил лорд, подав знак Лоре. – Итак, Кира Форн...

Леннарт Арне встал с кресла и подошел к шкафу. Покопавшись в одном из отсеков, он извлек пухлую стопку пергаментов, перевязанных красной лентой.

– Поступила на службу три года назад, до этого была помощником. Год назад стала старшим следователем, – блуждая пальцем по бумагам, читал он. – За время службы раскрыла триста восемнадцать дел...

Что, правда так много? А я и не считала. Разумеется, всякие кражи веников в расчет можно не брать, но тем не менее показатель...

– ... чем повысила раскрываемость преступлений отдела на двадцать процентов, а по всему Заречью на три процента. За время службы дважды состояла в длительных отношениях, в последних из которых дело шло к свадьбе, но жених оставил Форн прямо у алтаря.

Я вспыхнула. Не очень-то хотелось вспоминать тот случай...

– Проживает в съемной квартире в районе Ландивичево, в Застройном переулке. На ее имя записан небольшой дом в деревне Лиговке, в котором проживает сестра с мужем и тремя детьми. Характеристика от начальства положительная, из негативного отмечают лишь то, что отношения с напарником натянутые, не доверительные.

– Неправда, – не удержавшись, ответила я. – Биран мой единственный друг на данный момент.

– Я не закончил, – строго ответил лорд, перелистывая стопку. – В остальном с коллегами отношения строятся нормально, без ярких недовольств. В настоящее время ни с кем в отношениях не состоит, но иногда во сне произносит имя некоего Жоржа.

Я икнула. Жоржа?! Вот ведь мерзкий суккулент!

– А цвет моего нижнего белья там не указан? – скрывая ехидство и подражая лорду в холодном тоне, уточнила я.

Лорд Арне и ухом не повел, лишь пролистал несколько страниц и тем же тоном произнес:

– Черное.

Я икнула.

– Я мог бы прочитать вам всю вашу характеристику, которую мои люди ведут на каждого сотрудника отделов по расследованию магических и немагических преступлений. Но, боюсь, тогда вы и к утру не поспеете. Хотя у вас сегодня должно быть ночное дежурство, которое вы оставили на коллегу, так что времени у нас много... Мне продолжать?

Я невятно помотала головой. Интересный у него способ вести диалог с подчиненными – вводить их в состояние оцепенения. В кабинет вошла Лора, поставила передо мной кружку с черным напитком, разносящим по комнате приятный мягкий аромат. Подождав, пока помощница Леннарта выйдет, я пригубила. С нашей истолченной бурдой в отделе и не сравнится – привкус корицы гармонично вливался в терпкий кофий, раскрываясь с каждым глотком в более глубокий вкус.

– Так вот, старший следователь Кира Форн, не стоит просить начальство перейти сразу к делу. Оно-то, может, и перейдет, но вам, скорее всего, не очень понравится.

– Вы настолько плохи? – ляпнула я. Ох, не привыкла я общаться с высоким начальством, у нас-то все по-простому, да и язык подозрительно перестал меня слушаться... А лорд разозлился, теперь от прожигающего ненавистью взгляда никуда не деться.

– Я не отвечаю на провокационные вопросы, – практически по слогам произнес лорд.

– А я не слушаю провокационные ответы на вопросы, которые даже не были заданы. Иными словами, монолог по поводу моей характеристики я не очень поняла, особенно с перечислением моих близких связей, – оскорбленно ответила. Что-то я слабо контролирую свою речь. Может, дело в кофее?!

– Вам не кажется, что вы забываетесь?

– А вам не кажется, что подсыпать в напиток подчиненного зелье искренности не совсем этично? – снова ляпнула я, буквально прикрывая рот руками. Лорд Арне ухмыльнулся.

– Вашему напарнику потребовалось больше времени, чтобы это понять. Теперь вижу, что звания старшего следователя вы добились не через постель.

– А у вас это обычная процедура? – уточнила я, уже даже не пытаюсь молчать. Зелье искренности было из разряда запрещенных и редких. Но кто осмелится обвинять в таких грязных средствах Королевскую канцелярию? Верно, никто. Потому остается только терпеть.

– Вы про постель или про зелье?

– Знаете, про постель даже не подумала уточнять, но вот теперь вопрос прям напрашивается, – съехидничала я.

– Какие факты вы умолчали по делу об отшельниках? – внезапно спросил он. Понятно, допрос начат.

– Никаких.

– Всю ли информацию вы включили в отчеты?

– Всю, которой располагали.

– Кхм... Проявили ли достаточное рвение в поимке преступников и поиске свидетелей?

– Да. Мы с Бираном несколько недель фактически ночевали в отделе, заполняя бумаги о том, как днем прыгали по болотам в поисках затворнических общин. Мы, может, не самые добросовестные работники, но не дебилы и прекрасно понимали всю важность данного дела, как и его опасность по отношению ко всему обществу. И да, не при особах высшего положения будет сказано, мы задницы рвали, чтобы найти как свидетелей, так и преступников, работая с утра до утра, поддерживая друг друга магией и не забывая еще и про текущие дела. Наверное, именно для того, чтобы добравшийся до высокого поста павлин отпаивал нас вредными запрещенными зельями, устраивал допросы, вместо того чтобы идти по горячим следам.

Лишь спустя мгновение до меня начал доходить весь смысл того, что я сейчас наговорила. Плакало мое повышение, плакала моя работа... Видимо, придется возвращаться в деревню к сестре и племянникам.

– Начнем с того, что к своему месту я пришел точно так же, впахивая. Кроме того, я высоко ценю проделанную вами работу, но вынужден признать, что из-за сложности дела не хватает многих фактов. И я не обвиняю вас с напарником, мне важно понять, не утаили ли вы намеренно какую-то информацию. Как вам может быть известно, случаи с подкупом следователей не так уж и редки, хоть и прискорбны. И лишь под воздействием зелья искренности у меня есть шанс докопаться до правды. А в заключение я хочу сказать, что вы можете выпить антидот, не уверен, что выдержу еще парочку оскорблений от девушки, которая на порядок ниже званием. На прошлые, так и быть, глаза закрою, посчитав, что вы были слегка не в себе.

Леннарт протянул маленький бутылек с прозрачной жидкостью.

– Берите, берите, – увидев замешательство, почти доброжелательно произнес лорд. – Иначе еще до утра будете правду говорить, а потом мучиться с головной болью.

– Наш допрос окончен? – уточнила я.

– Лишь один вопрос. Кто-нибудь в вашем отделе занимался помимо вас с напарником этим делом?

– Нет, – на секунду задумавшись, ответила я. – А мне вопрос можно задать?

– Задать – можете.

– К чему было это представление с «а где Биран»? Вы же изначально рассчитывали увидеть именно меня, о чем и сообщили моему начальству.

Леннарт Арне на секунду задумался, вперившись в меня задумчивым взглядом с хитрым прищуром, а после ответил:

– Понимаете, Кира. Зелье искренности полноценно подействует лишь на человека, поймавшего такую эмоцию, как раздражение. Следовательно, снимаются иные блоки напряжения,

а мысли фокусируются только в одном направлении. Потому вся первая часть представления была разыграна исключительно на вас.

– В вас погибает великий актер, – кивнула я и, взяв бутылек со стола, уточнила: – Теперь я могу идти?

– Пока да. Возможно, в будущем придется привлечь вас или Бирана для очной ставки. И подойдите, пожалуйста, к Лоре, чтобы подписать свиток о неразглашении.

– Нет, ну это уже совсем наглость! – выпалила я.

– Кира, антидот, – холодно напомнили мне. После чего я поспешила к выходу.

Лора ждала тут же и с наклеенной улыбкой протянула мне расправленный на деревянной резной дощечке свиток с мерцающими буквами и тонкое белое перышко. Свиток о неразглашении! Надо же, какие мы важные! Напоили гадостью, так еще требуют, чтобы молчала об этом!

Свиток работал таким образом, что любой, кому стала известна тайна, о которой в свитке говорилось, в нем же и появлялся, списком. А сам «болтун» приобретал себе адскую головную боль и ожог на внешней стороне руки на неопределенный срок.

Пробежавшись глазами по пергаменту, я раздраженно подписалась и направилась прочь. Обратно меня уже не провожали.

Сперва от антидота я хотела гордо отказаться, но после подумала, что такая фляжка еще может пригодиться. К примеру, перед следующим вызовом к лорду можно будет принять жидкость, и зелье искренности на меня уже никоим образом не подействует. Спрятав трофей в сумку, я вышла в вечернюю прохладу.

Глава 3

Утренняя прогулка перед работой, обычно приносящая бодрость, сегодня отдавала громким перезвоном в ушах. Каждый шаг сопровождался какофонией различных звуков, самым ярким из которых был «бом-бом-бом». На голову словно натянули тугую шипастую веревку, и кто-то эфемерный за спиной словно сдавливал ее каждый раз, когда мне приходилось поворачиваться.

Состояние было отвратительное. Нет. Преотвратное, мерзкое, опустошенное, гнусное, пакостное, гадостное и омерзительное. Ненавижу зелье искренности, ненавижу лорда Ленарта, ненавижу свою работу, ненавижу весь мир! Ну с последними двумя пунктами я, может, погорячилась, но на протяжении всего пути мне не удалось избавиться от фантазии с лордом Арне в главной роли. И нет, в фантазиях не было ничего пошлого: я просто отпаиваю его зельем искренности, а после запираю в самой далекой и сырой камере, в которой каждые десять секунд на влажный пол приземляется капля, звонким эхом разлетаясь по помещению.

Солнце, как назло, ярко светило прямо в глаза. Прохожие весело щебетали друг с другом, спешили по своим делам и раздражали своими радостными лицами. Верно в отделе говорят: когда опарыш копошится в гнили, то на бабочек, порхающих по ярким цветам, смотрит исключительно с презрением и непониманием.

У прилавка с овощами суетились две гномки, низким басом о чем-то споря. Молоденькая эльфа порхала за стеклом одежного магазина, принимая от помощницы-феечки крохотные булавки и подкалывая подол длинного зеленого платья с воздушными рукавами-фонариками. Скорее всего, платье на продажу принесла обедневшая графиня. Не исключено даже, что нашла она его на каком-нибудь пыльном чердаке. У книжной лавки, облокотившись на стену, сидела старуха-гадалка. Если мне не изменяет память, вчера эта «старуха» была задорным мальчишкой, читающим стихи на площади, а позавчера сидела у нас в отделе в образе молодой девушки, торгующей своим телом. Стража привела ее связанной веревками повиновения – за попытку сбежать. Но как только бравые блюстители порядка, отпускаявшие разные липкие шуточки, покинули кабинет, барышня без особого труда избавилась от пут. Нам с Бираном оставалось только удивленно хлопать ресницами, наблюдая за тем, как девушка извлекла из своего декольте узкую зеленую карточку-удостоверение – «Особый отдел». В народе их называли цикадами – возможно, за зеленую форму и внешнюю безобидность. А может, за странный условный сигнал, напоминающий стрекотание.

Цикады занимались вопросами Королевской канцелярии и никогда – частными клиентами. Исключительно государственно важные вопросы, чтобы ничто не нарушало его интересы. В компетенцию Особого отдела входило расследование различных заговоров против правящей ветки и преступления против высшей аристократии. Когда-то у меня была мечта податься в Особый отдел, но после нескольких лет розовых фантазий я поняла, что ничего не выйдет. Туда берут лучших, особенных, с какими-нибудь экстраординарными талантами или выдающимися интеллектуальными способностями. А моих талантов хватает только на обычный следственный, а интеллектуальных способностей и на него не хватает.

В тот день цикадка вежливо извинилась за то, что зазря отняла «драгоценные минуты» нашей с Бираном «неоценимой работы», объяснила, что работает под прикрытием, потому не могла сразу же договориться со стражей, даже обезвредить не могла – вызвала бы подозрения. Понимающе покивав головами, мы отпустили девушку. Жорж Жоржастик болтал своими отростками, передразнивая нас с напарником еще полдня, а для нас подобное событие было чем-то супернеобычным. Это все равно что в дом простого конюха нагрянет герцог и попросит у него прощения за то, что отвлекает его от работы, но не прийти не мог, потому что прячется от любовницы, заставшей в постели другую любовницу.

К «старухе» неуверенно подошла женщина в цветастом платье. Она что-то проговорила и протянула руку. «Гадалка» жестом предложила присесть на тонкую грязную подушку напротив и, махнув рукой, создала вокруг них ореол тишины, мерцающий фиолетовыми переливами.

В отдел я прибыла с тридцатиминутным опозданием и ноющей головной болью. Любой резкий звук заставлял непроизвольно морщиться и поливать лорда Леннарта Арне всеми грязными словами, что я успела узнать за годы работы.

Биран с кислым выражением лица сидел за столом и смотрел в одну точку – похоже, ночка выдалась не из легких.

– Доброе утро, – произнесла я, усаживаясь на свое место. Биран поднял на меня внимательный взгляд.

Пытается определить, как я, но не нарушить свиток о неразглашении. Наверняка догадывается, что мне довелось узнать о методах лорда Арне, но напрямую спросить мешает свиток.

Несколькими мгновениями позже, сочувственно кивнув, он залез в карман и извлек маленький прозрачный бутылёк, копию моего. Видимо, наши с напарником мысли в данном вопросе сошлись – мы решили прибегнуть к антидоту на будущее.

– Кира! – громогласно заявил начальник, входя в кабинет. – Почему опаздываешь?!

– Небольшой обход по району, – соврала я, прикрывая глаза.

– Как вчера прошла встреча в Королевской канцелярии?

– До бессмысленного выматывающе, – пространно ответила я.

– Не забудь подготовить рапорт, – напомнил начальник. – И... Опять про нас в той вшивой газетенке написали.

Начальник достал из кармана сложенную в четыре раза газету примечательного розового цвета и кинул мне на стол. Видимо, Биран уже в курсе.

– В этот раз по твою честь, – тихо уточнил начальник.

Расправив листы, я увидела магографию с изображением пустой тарелки с прилипшими к доньшку крошками. Мерцающая надпись гласила: «От булочек к трупу».

«Вчера в знаменитой ландивичивской булочной нашего города произошла кража бесценного сокровища – пяти булочек с маком и вареньем. Томно наслаждаясь голодными взглядами прохожих, они лежали на витрине и источали соблазнительные ароматы, будоражающие желудок и воображение стекающим по бокам малиновым вареньем. Хозяин пекарни, ошеломленный столь тяжелой для него потерей, тут же прибежал в отдел расследования магических и немагических преступлений и, заламывая руки от скорби, известил блюстителей беспорядка нашего района о тяжком преступлении. Если вам что-то известно о судьбе пяти несчастных, обязательно сообщите Кире Форн – старшему следователю отдела. Несчастная девушка с ног сбилась в стремлении найти преступников по этому, безусловно, громкому делу, подрывающему все наши жизненные устои, преломляющие нормы морали и нравственности. Дело настолько поглотило ее, что, даже осматривая труп, она могла думать исключительно о булочках, даже расследуя кражу со взломом, во время которой у главы района пропали важные документы, все ее мысли занимала сладкая сдоба. Давайте поможем Кире Форн найти несчастных. Быть может, кто-то из вас видел малиновые следы или маковую крошку? Или булки ушли по собственному желанию, не желая терпеть тиранию пекаря? Не будьте равнодушными!»

– Что за?! – вскочила я, забыв о головной боли. – Это шутка какая-то?!

– Ага, завелся в отделе приколист, – буркнул шеф. – Без зазрения совести сообщил о том, что у главы района пропали документы, хотя эта информация засекречена. А все из-за чего?

Из-за тупых булок! Да и дладж с ними! Они вечно сливают какую-то важную информацию под видом юморески!

– Мы можем прикрыть газетенку? – поинтересовалась я. – Они уже все кишки своими статейками вывернули!

– А ты ее сперва найди, – зло буркнул Биран. – Лично я каждый подвал района обошел, чтобы найти подпольные станки, опросил всех и вся для поиска распространителей. И все по нулям!

– Тогда надо искать крысу в самом отделе, – подумав, ответила я. – Нас тут всего порядка семи следователей, четырнадцати помощников и трех охранников. Выйдем на грызуна – найдем газету.

– Еще может быть задействована стража, они сюда часто ходят, могли что услышать...

– Ага, и двадцать четыре подозреваемых сразу же превращаются в сотню... – выплюнул Биран, ударив по столу так, что Жорж Жоржастик чуть не слетел на пол. С трудом допрыгав до руки хозяина, он положил неколючую сторону отростка ему на руку, утешая. Ну конечно, хочет мягко напомнить напарнику о своем существовании, боится быть скинутым на пол и не политым в срок. Если бы проклятый суккулент умел писать, то был бы первым подозреваемым в моем личном списке.

– Разбирайтесь, – гаркнул шеф, направляясь к двери. – Кто-то гадит прямо у нас под носом, а мы активно не замечаем, кто именно.

В дверях шеф столкнулся с Шоном, несшим маленький голубоватый свиток. Связист, принимающий весточки о правонарушениях, был на редкость тих, в глазах не играл задор, а на лице и следа от румянца не осталось. Странно, обычно он более радостно реагирует на всякую чернуху, а голубые свитки вносит в кабинет, словно торт на день рождения – с самодовольной улыбкой.

– Бир, Кир... Тут это... – заплетающимся языком начал он, как только шеф покинул кабинет. – В общем, ехать надо. Совсем жесткач... И опять отшельники.

– Опять?! – застонал Биран, с грохотом опуская голову на стол.

– Что такое? – нахмурившись, поинтересовалась я.

– Точно мало что известно, по болотам уже скачет стража, ожидая вас. Но, похоже, преступление против рас, изнасилование и... кхм... жестокое обращение с детьми.

– Среди отшельников? – удивленно прошептал напарник, приподнимая голову.

– Да, – пряча глаза, ответил Шон. – Вот адрес.

– Поедем вместе? – хрипло спросила я. При таких правонарушениях я обязана присутствовать как старшая по званию. Однако Бирану было хорошо известно, что мне проще объехать с десяток трупов, чем увидеть одного ребенка, над которым так поиздевались родные. Еще и изнасилование... В общем, в одиночестве ехать не хотелось.

– Да, конечно, – понимающе кивнул Биран. Жорж Жоржастик похлопал хозяина по руке, снова напоминая о своем существовании. – Шон, полей Жоржа, пока нас не будет.

Шон, сглотив слюну, кивнул. Жоржастик медленно повернул самый крупный отросток в сторону связиста и угрожающе зашевелил колючками.

От тракта пришлось идти пешком, постоянно сверяясь с картой, на которой плавающим мерцающим крестиком было отмечено место прибытия. После того громкого дела по отшельникам дела по близлежащему лесу вешали на нас. А кто обитает за городской чертой? Правильно, отшельники. Чувствую, скоро у нас с напарником выявится аллергия на это слово.

Узкие тропинки витиевато переплетались между собой, создавая дивные узоры. Затхлый запах торфяников врвался в легкие, а обувь на несколько пальцев увязала в грязи.

Кроны деревьев не пропускали солнечных лучей, задерживая внизу влажную прохладу. К тому моменту, как увидели бело-голубоватое мелькание стражников впереди, мы с Бираном по уши испачкались в грязи, обматерили всех отшельников, вместе взятых, а я и лорду Арне добавила пару ласковых – голова болела нещадно, и «свежий» воздух болот совершенно не способствовал выздоровлению.

Перед нами раскинулась небольшая поляна с покосившейся, но довольно большой землянкой. Возле нее росло множество различной зелени лекарского характера, овощи, фрукты и ягоды. Как только умудрились столько всего посадить у болот?!

– Всем дня, – громко произнес Биран, извещая стражу о нашем приходе.

Из землянки, зажимая нос рукой, вылез Ларк. В глазах у бывалого стражника застыл ужас. Увидев нас, он чертыхнулся, но подошел.

– А кого-нибудь другого не могли послать? – грубовато поинтересовался он, смотря на меня.

– А чем тебя мы не устраиваем? – нахмурившись, спросил Биран, стягивая с руки веревку для волос и завязывая раскинувшиеся по плечам темные волосы в тугий хвост. – Там все совсем плохо?

– Совсем, – выдохнул Ларк, вздрогнув.

– Идем? – положив руку мне на локоть, уточнил Биран.

– Да, – хрипло ответила я. Хотелось поскорее закрыть этот вопрос и уйти из этого чертова леса, который мне опостылел уже несколько месяцев назад.

– Не ходи, – почти с мольбой произнес Ларк, удерживая меня за второй локоть.

– Я как бы на работе, – резко ответила я. Ларка обижать не хотелось, но и его опека раздражала, только время зря теряем. Выдернув локоть из рук стражника, я уверенно пошла к входу, внимательно смотря под ноги. Любят отшельники всяких мини-ловушек у жилища понаставлять.

Темное затхлое помещение, освещаемое лишь тусклым шаром у потолка, было заставлено огромным количеством каких-то банок, склянок. По стенам висели сушеные травы, гибкие корни. В углу разместились лежанка, на которой сидели двое связанных людей, с ними устроилась еще парочка стражников. Женщина с черными длинными, но сальными волосами беззвучно хохотала, рисуя связанными руками в воздухе какие-то пассы. Глаза ее блестели ярким зеленым светом, заметным даже в темноте, – пытается колдовать. Вот только гиблое дело – веревки не дадут, они впиваются магию. Мужчина, лицо которого украшало кровавое месиво, молча сидел рядом, не реагируя ни на жену, ни на охрану.

– Да угомонись ты уже! – презрительно выдохнул один из стражников, замахиваясь на женщину.

– Давайте без рукоприкладства, – кашлянул Биран.

Стражник замер и медленно обернулся к нам. Кивнул.

– Они в подвале, – без приветствия заявил второй стражник, махнув рукой в сторону открытого люка. – Там уже работают наши ребята.

В углу комнаты обнаружилось прямоугольное отверстие с нависшей над ним створкой. Оттуда слышалось копошение и тихое переругивание взрослыми мужскими голосами.

Пройдя к проходу в подвал, Биран наклонился, примерился и начал спуск в полутемную нишу. Я последовала за ним – зацепилась за край и, пошатнувшись, приземлилась прямо на Бирана – могли бы уж и лестницу поставить!

Напарник тем временем замер, остекленевшим взглядом смотря в противоположный угол.

– Кир, – прошептал он. – Полезай-ка ты обратно... И не смотри.

Вот от него подобного не ожидала! Почему все так стремятся меня оберегать?! Когда я избрала делом жизни работу следователя, прекрасно осознавала, на что иду. Резко развернувшись, я замерла.

Бум... В голове словно разместили наковальню и с остервенением били по ней большим молотом. Бум... В глазах заплясали красные мушки. Бум... По позвоночнику проползла ледяная змея, обвивая каждую костяшку и устраиваясь в районе шеи, перехватывая дыхание. Бум... Ноги на мгновение подкосились, но Биран вовремя схватил под руку – чтобы никто не заметил.

У противоположной стены сидели дети, много детей. Разных рас и возрастов. Были и совсем малютки, которые наверняка и ходили-то с трудом, были постарше – смотрящие на нас с настороженностью лисят, попавших в капкан. Они сидели на грязных, изъеденных старостью и пылью матрасах. Прикованные ржавыми дребезжащими при движении наручниками к каменной стене.

Юная эльфа, которой наверняка только-только исполнилось десять, была одета в серый мешок, расходящийся книзу лохмотьями. Обкорнанная так, что на голове блестели шрамы. Видимо, кто-то очень хотел навариться на шикарных волосах, присущих расе, но не особо беспокоился о том, чтобы состричь шелковые локоны аккуратно. Помимо всего прочего, на щеке у девочки виднелся синяк, а на лбу вздувшаяся шишка. Она смотрела на нас огромными серыми, почти прозрачными глазами с явным удивлением и непониманием происходящего.

Рослая гномка, у которой только недавно начали прорываться усики, облокотилась на стену, придерживая брата. Он положил голову ей на колени, вместо подушки, тяжело дышал, из носа текла кровь, а волосы слиплись от выступившего пота. Похоже на лихорадку.

Девочка-феммаинка, представительница почти вымершей расы, была напугана настолько, что зажалась в самый дальний угол, докуда еще дотягивались цепи. Зато без ссадин и синяков – повезло с врожденной регенерацией. На черноволосую малышку стражники не обращали никакого внимания, пытались распилить кандалы тех, кто был на виду. Цепи поддавались плохо – металл был заговоренный.

Так, пора срочнейшим образом брать себя в руки. Так, Кира, соберись! Это твоя работа. Знала же, на что шла! На что и ради чего.

С шумом выдохнув, я высвободилась от Бирана и направилась к общей суматохе, стараясь отключить эмоции.

– Заклинаниями пробовали? – хрипло поинтересовалась я у стражи.

– Те, которые мы знаем, не помогают. – В подвал спустился Ларк. – Попробуйте вы.

Биран уже направился к двум гномам и начал изучать строение цепей, параллельно извлекая из сумки лечебные мази и притирки. За что я любила напарника – так это за собранность в любом вопросе. Он мог казаться бесконечным раздолбаем в каждой ситуации, кроме рабочей. Вдохновившись его примером, я направилась к девочке-феммаинке.

– Привет. – Я присела на корточки. – Я хочу тебе помочь. Как тебя зовут?

– Лорэйн, – неуверенно ответила девочка пару секунд спустя. Голос казался простуженным – впрочем, чему я удивляюсь, в этом подвале очень сыро и холодно.

– Ты тут давно? – спросила я, проводя указательным пальцем по цепи. Она чуть жглась – заговорена была добротной. Я полезла в сумку, переброшенную через плечо, достала стеклышко, стараясь не обращать внимания на выпавшие фантики и пустые свитки. Девочка внимательно за мной наблюдала. Само присутствие представительницы рода Фемма Инн удивительно. Они держатся общинами, подальше от людей, лишь раз в несколько лет отправляя лучших девушек в народ, чтобы те могли зачать потомство – ведь мужчин у них нет. Стоит ли говорить, что своих детей они ценят очень высоко? А тут... В каком-то свинарнике...

– Меня совсем недавно забрали, – тихо ответила девочка.

– Забрали? – переспросила я, поднося стеклышко к глазам. Так-так, похоже, вся проблема в том, что в цепи вплетены чары двух магов-отшельников. Но даже с подобным стража должна справляться с легкостью. Значит, мы в очередной раз что-то упускаем.

– Ну да, я тут недавно. Мадж с Паджем, – Лорэйн кивнула на гномку с гномом, – уже лет пять. Лили пришла вместе со мной, а Бари тут живет около года. Лори с Футчем чуть больше, а Дюка... недавно ушел.

– Ушел? – на автомате уточнила я. Похоже, чары были сплетены косой. Еще бы, если ты держишь в заточении и эльфа, и феммаинку, и гномов, и невесть кого еще, надо хорошенько продумать степень защиты и охраны. Отшельники, сидящие наверху, решили вопрос кардинально – сплели собственные чары в косы, распутывание которых потребует времени.

– На небо, – серьезно ответила та. – В царство Великой Матери.

Вот так незадача, по легенде рода Фемма Инн туда могут попасть только женщины. Значит, сама Лорэйн знает историю собственной расы весьма поверхностно. Может, первые годы жизни жила с матерью, которая пыталась донести до нее азы. Но, скорее всего, не в общине. Иначе Матери Хранительницы не позволили бы Лорэйн покинуть дом.

– Биран, – окликнула я напарника. – Распутывать надо, подмога нужна.

На стражу большой надежды не было – мало кто из них обладал достаточным магическим потенциалом для распутывания таких кос. Сплетение чар вообще весьма редкая практика.

– Я уже послал весточку, – хмуро ответил Биран.

– Лорэйн, я сейчас буду снимать с тебя цепи. Но ты не бойся, хорошо? – мягким тоном произнесла я. Девочка кивнула.

Спустя полчаса я, обливаясь потом, закончила работу. Не думала, что снятие чар может отнимать столько жизненных сил. Очень хотелось на воздух, подальше от запаха сырости и этого жуткого подвала. Но единственное, что меня остановило, – дети, послушно ждущие, когда с них снимут оковы. Они тут не час, не два и не три. Одни неделями, другие месяцами, а третьи вообще годами...

Картина вырисовывалась не самая радужная. Похоже, что семейная пара отшельников брала детей разных рас из приютов, после чего их сажали в этот подвал. С кого-то брали материальную выгоду – к примеру, у эльфы отрезали локоны и продавали на ярмарках. Других приспособляли к мелкому труду – конструирование разных моделек, амулетов, украшений и всякой всячины. А некоторым везло меньше. В том, что у этой семейной пары с мозгами не все в порядке, я не сомневалась, но как старший следователь планировала настоять на смертной казни. Благо судьи обычно прислушиваются к тем, кто курирует дело.

Спустя несколько часов, когда мы с Бираном наконец выбрались на воздух, прибыла помощь. Всем детям требовалась внимание врачей, каждый из них был слаб, с трудом стоял на ногах. И пусть их глаза слезились от солнечного света, на губах все равно застыли улыбки и вера в лучшее будущее. Они старались даже не смотреть на своих мучителей, которых стража держала чуть в отдалении.

Прибывшие следователи взяли на себя обязанность сопровождать детей до повозок, а самих отшельников к месту заключения. И кто же знал, что день только начинается. И чем дальше – тем «веселее».

Глава 4

Весь обратный путь до отдела мы с Бираном молчали. Каждый из нас боялся начать разговор. Я хотела поскорее забыть, что увидела в том самом подвале, но прекрасно понимала, что эта сцена еще не раз придет ко мне во снах. Не раз всплывет в воспоминаниях страшными образами. Не раз вопьется в память ледяными иголками ужаса.

– Кир, если ты хочешь поговорить... – неловко начал Биран, когда мы почти доехали до работы.

– Нет, все в порядке, – сдавленно ответила я. В горле образовался комок, на глаза навернулись слезы, но рыдать при напарнике не хотелось – он и так терпит мои истерики чаще, чем мне следовало бы их устраивать.

– Ты просто помни, если что... – Биран неловко положил руку мне на плечо.

Повозка со скрипом затормозила. Чарсорры, подающие заклинание остановки к колесам, прохутились, и вознице приходилось рассчитывать тормозной путь заранее. Казначей вечно скупился на финансирование районных отделов, зато центральному околдворцовому доставались самые лучшие кареты и чарсорры первой копии. Нам же приходилось довольствоваться полуразваливающимися сотыми, а то и тысячными.

– Спасибо, – прошептала я и, утерев влажные дорожки с щек, вышла на улицу.

Зайдя в кабинет, мы увидели Элександа, точнее, его филейную часть, торчащую из нашего тайника. Дорвался-таки!

Пару недель назад мы с Бираном, шутки и эксперимента ради, опробовали сейфовые чары и сконструировали в боковой стене небольшое углубление, скрытое от посторонних глаз. Прятать было нечего, потому мы запихнули туда всякое ненужное барахло и печенье, припасенное на самое голодное время. Ну а чего полке пустовать, когда в кабинете и так мало места?

Элександ, следует отметить, раньше специализировался на подобных сейфах, потому без труда отыскал тайник. И беззастенчиво пожирал наше печенье!

– Кхе-кхе, – неловко прокашлялся Биран, сообщая о нашем присутствии. Шеф, стукнувшись темечком о потолок углубления, стремительно вытащил свою тушку из сейфа.

– А у вас тут это... – Элександ замялся. – Бардак в кабинете! Чтобы до завтрашнего дня навели порядок и расставили все по полочкам! А тайные сейфы в кабинете следователей вообще запрещены уставом!

– Это был следственный эксперимент, – нашла я. – Помните, когда у главы свитки важные пропали? Надо было выяснить, какими способами можно обнаружить подобный тайник...

– А почему в рапорте не сообщили? – Элександ перешел в наступление, словно не мы его застали за рысканьем в личных вещах, а он нас.

Мы с Бираном пристыженно потупились – если бы мы о каждом следственном действии сообщали в рапорте, то девяносто процентов нашего времени уходило бы на писанину, а для самих следственных действий этого времени бы и не хватало.

– В общем, стыд и позор вам! – нравоучительно произнес Элександ и направился к выходу. Как только за ним закрылась дверь, мы с напарником устало приземлились на свои рабочие места.

Жорж Жоржастик танцевал перед Бираном какой-то странный танец, растопырив во все стороны колючки и распуская бутон на каждый третий такт.

– У твоего кактуса конвульсия? – с любопытством поинтересовалась я. Биран внимательно наблюдал за тем, что исполнял суккулент. Видимо, тоже заинтересовался.

– А? – рассеянно переспросил Биран, приподнимая взгляд.

– Что с Жоржем, спрашиваю, – чуть громче повторила.

– Полить, наверное, забыли, – задумчиво ответил напарник. – Кир, мне тут срочно по одному делу отойти надо, прикроешь перед шефом?

– Конечно, – протянула я, стараясь не показать удивления. Подобные просьбы от Бирана услышишь нечасто.

– И Жоржа полей и накорми. Иначе потом опять будешь жаловаться, что тот улики поджирает, – напоследок заявил Биран, после чего вышел вон.

Я посмотрела на кактус, он вытаращился на меня колючками. Я безмолвно помотала головой, показывая, что не намерена и секунды на него тратить. Колючки стали больше, а бутон налился ярко-алым, а сам Жорж вытянул один из отростков, словно угрожая мне кулаком.

– Будешь выпендриваться, переверну твой горшок и скажу, что сам дотанцевался, – буркнула я и запустила в Жоржа оставшимся печеньем. Хватка у него была крепкой, а реакция почти мгновенной – печенье с громким хрустом исчезло внутри этого недоразумения.

Страшно хотелось спать, потому, оперев голову о руки, я прикрыла глаза, стараясь забыться в навалившейся усталости.

– Кира! – высокий голос парня-связиста, прозвучавший прямо над ухом, заставил вскочить. – Вызов с ателье «Леди Рыны». С добрым утром...

– С добрым... – пробормотала я, с трудом разлепляя веки. – А можно еще пять минуточек?

– Об этом ты говорила пять минуточек назад, – серьезно ответил он.

Пришлось вставать.

Ателье «Леди Рыны» было всего двумя кварталами ниже, потому я решила прогуляться пешком. Разумеется, сама орчиха Рына не была леди. Однако прославиться своими шедевральными платьями умудрилась на весь город, да так, что к ней приходили с заказами добрая половина от прекрасной части аристократического света. Но разве будут графини и герцогини заказывать платья у простой безродной орчихи? Нет, это ниже их достоинства! Потому хозяйка ателье пошла на подобную хитрость, назвав свое заведение собственным именем с добавлением слова леди.

Несмотря на известность портнихи, ателье выглядело просто – длинная узкая комната, заставленная манекенами с разнообразными платьями, рюшами, шляпками, болеро и прочими изделиями туалета. Под потолком Рына сделала длинные балки, на которые можно было вешать более простые и менее пышные платья, ткани или подкладки. Во второй комнате полагалось работать помощницам – помещение напоминало склад различных лоскутов, бисера, выточек и всякой всячины. Мастерская самой орчихи казалось девственно чистой – в центре достаточно просторной комнаты стоял огромный стол, с одной стороны которого разместилась главная помощница портнихи – швейная машинка, трепетно прислушивающаяся к каждому приказу, к каждому полунамеку.

Поговаривали, что это произведение магической мысли изготовил сам Швейганини – великий мэтр швейного дела, наградивший получившую признание Рыну.

– Ну не могут они просто так пропадать, говорю вам! – низким басом заявила орчиха, витая по собственной мастерской. Хотя вернее было бы сказать – передвигаясь со слоновьей решимостью. Размеры женщины были поистине колоссальными даже для ее расы. Не удивлюсь, если где-нибудь в седьмом колене там затесался великан. Рына продолжила:

– В руках, в руках, а потом бац... и исчезли! И так с каждым мотком. Наверняка эта сучка Лилин прознала, что ко мне с заказом обратилась первая фрейлина королевы! Вот и захотела утащить клиента.

– Так, так, давайте по порядку... – выдохнула я, ворочая в руках пустой свиток. – Что именно пропадает, каким образом и по каким причинам вы подозреваете некую Лилин? Кто это, кстати?

– Нет, ну если совсем по порядку... – протянула орчиха, замерев на одном месте.

Знакомый взгляд. Люди, восстанавливающие цепочки событий, словно сажают дерево. Продвигаясь от корней и к самым концам веточек, они пробираются к истине, ключ которой – воспоминания. Пострадавшие всегда охотно идут на диалог со следователем. Готовы вываливать даже самую нелицеприятную подноготную своих прошлых жизней в надежде на то, что это поможет найти виновного в настоящем. Однако нередко оказывается, что и прошлое, и настоящее, и будущее неразрывно связаны.

– Я открыла собственное ателье около пятнадцати лет назад, до этого работала подмастерье у Швейганини. Клиенты пошли не сразу, пришлось изрядно поднапрячься. Сложно бывало, еле концы с концами сводила. Но потом повезло – одна из первых дам королевства оценила болеро с узорной вышивкой. Это сейчас подобное можно встретить на каждом шагу, но тогда подобные вещицы могли выйти только из-под моей руки – никому тайну витиеватого узора не раскрывала, понимала, что жила золотая. Никому до определенного дня. Залог большого количества клиентов у швеи – подмастерья. Если их достаточно и они рукастые, то и заказы будут выполняться качественно и в срок. Каждую из них я всегда обязывала подписывать свиток о неразглашении. Так же было и с Лилин. Она пришла ко мне еще молоденькой девочкой. Лет пятнадцати. В глазах горел огонь, желание учиться. Да и руки были золотые – за ночь могла бальный наряд весьма недурного качества сшить. Я нарадоваться на нее не могла, думала, премницей ее сделаю, раз своих детей иметь не могу. Вот только тогда мне и невдомёк было, что крыска-то за сыром охотилась. За узором, то бишь. Как только раскрыла я ей тайну вышивки, понадеявшись на то, что снимет с меня часть нагрузки, так только ее и видали. Открыла свое ателье, где продавала изделия с МОИМ узором за полцены. Так клиентов и привлекла. Часто мы с ней сталкивались, и помощниц она мне своих засылала, и платья портила, и подделки делала. Вот только, как известно, истинный ценитель всегда отличит оригинал и руку мастера от жалкого подobia. Потому и решила она попросту меня уничтожить. Но как, ума не приложу! Обыскала все, нигде нет никаких рун... Пропадают нитки, и все тут. Прям из рук.

– Хм, – пробормотала я, пытаюсь понять, что за магия тут замешана. Да и замешана ли. – А вы не могли бы показать?

– Да я бы с удовольствием, вот только за нитками надо снова помощниц отправлять. А я не абы какими пользуюсь! Исключительно шелковыми. Ну, теми, что пауками Фейн обрабатываются.

Слышала о таких, даже в руках держала. Изымала в качестве улики на одном деле. Пауки Фейн, обитающие только возле морского берега, поглощают шелкопрядов, после чего выдают паутину небывалой прочности. А вот ее уже собирают и изготавливают нитки. Да и моток у меня до сих пор в сумке валяется, так и не приобщила к делу.

Орчиха, чуть скривив губы, посмотрела на мою сумку-подделку на «Пятумуса Измерениуса», в которой я начала рыться в поисках ниток. На пол тут же выпали блокнот и перо. Ну простите, на оклад следователя оригинал можно приобрести лишь при условии, что лет десять будешь батрачить именно на него. Не траться ни на еду, ни на одежду, ни на ... что.

– Вот, – чуть погодя я протянула моток ниток, чуть заляпанных чьей-то кровью, орчихе. Та приняла его двумя пальчиками, придирчиво оглядывая со всех сторон. Как вдруг моток покрылся синей дымкой и... пропал. Орчиха досадливо рыкнула. Я же привычно поднесла стеклышко к глазам, изучая изменившийся фон. Ни следа магии! Вот так новость! Даже чары тех, кто не зарегистрировал свои способности в общей базе, мерцают разными цветами, но сейчас вообще чисто! Значит, замешаны эльфы – только они могут скрывать свое вмешательство так мастерски. Вот только по уставу я обязана передать это дело в отдел по расследованию преступлений с участием эльфийской магии.

Взглянув на орчиху, я уже хотела об этом сообщить, но что-то меня остановило. Она с такой досадой смотрела на собственные руки, с болью возвращала взгляд к швейной машинке... Вздыхнув, я произнесла:

– Где располагается ателье Лилин?

– Да через дорогу, – расстроено протянула Рына. – Называется «Павлиний хвост». Хотя по мне, так крысиный... Ну вы ее увидите, поймете...

Сделав пометку в протоколе, я направилась к выходу.

– Леди следователь, – окликнула швея, – ежели найдете виновную и схватите за... хвост, то отблагодарю так, как могут только представители моей расы. А об орочьей щедрости ходят легенды!

– Не надо, – притормозив у входа, возразила, – я просто делаю свою работу. И в данный момент хочу разобраться, кто вам мешает делать свою.

Из ателье «Леди Рыны» я вышла немного раздосадованной. Попытки разными способами отблагодарить следователей не новы. Каждый, чей вопрос удавалось решить в пользу пострадавшего, пытался отплатить разными благами. Торговцы впихивали свежие овощи или отменные куски мяса, хозяева таверн пытались отблагодарить несколькими бесплатными обедами, возникшие предлагали свои услуги с разогромными скидками. И все бы ничего, ведь подобная благодарность суммарно превышала оклад, вот только в Уставе черным по желтому было написано, что подобное запрещено. Многие коллеги, конечно, закрывали глаза на этот пункт и пользовались всеми благами, предоставляемыми им благодарной публикой, вот только рано или поздно об этом узнавало начальство. Узнавало и зачастую не ограничивалось выговором. А Эликсанд к подобному относился очень жестко, хотя, подозреваю, сам был нечист на руку.

По вымощенной улице сновали прохожие, перебегая из одной лавки в другую. Эта улица славилась множеством таверн, бакалей, гостевых домов и магазинов. Присмотрев чуть левее через дорогу «Павлиний хвост», я уверенно направилась туда. Открывая дверь, я еще раз оглядела улицу. Взгляд зацепился за знакомую фигуру. Биран! Беседующий с какой-то смутно знакомой девицей. А не та ли это цикадка, недавно загремевшая в отдел в образе проститутки? Но... Обдумать это возможности уже не было – колокольчик, прикрепленный к входной двери, известил хозяйку ателье о моем приходе.

– Добро пожаловать! – залепетала девушка, подцепляя подол платья, стоящего в углу холла. – Самые низкие цены на самые изысканные вещи для... Ой, леди следователь...

Коротковолосая эльфа развернулась, растянув губы в приветливой улыбке, и осеклась, увидев мою персону.

– Здравствуйте, – испуганно пискнула она. Явно не ожидала моего прихода.

– Добрый день, – ответила, но между делом разглядывала ателье. Просторный холл с высоким потолком, пол выложен мрамором, а каждое платье надето на манекен, послушно выписывающий несложные пируэты. Все тут жило, начиная с платьев и заканчивая шляпками, перелетающими с одной куклы к другой. Тканевые цветы кружили вокруг эльфы вместе с булавами и нитками, следуя за каждым ее шагом. Сама швея была одета в белые узорчатые бриджи и просторную малиновую рубашку, подпоясанную железным пояском.

Все в ателье завораживало своей сказочностью, а атмосфера ни в какое сравнение не шла с той, что была у Рыны. Но... как это всегда бывает, подобной обстановкой эльфа Лилин просто пускала пыль в глаза. Если приглядеться к платьям, то видно, как неровно выдержан шов, как выпирают нитки и как неточна вышивка. И если у орчихи не было такого пышного убранства, то за все говорили изделия, вышедшие из-под ее рук.

– Вы пришли подобрать платья или... – эльфа испуганно икнула. – По вопросу службы?

– По вопросу службы, – вздохнув, ответила я, проходя вглубь. Что примечательно, помощниц видно не было.

– Ссслушаю, – выдохнула Лилин, отгоняя летающие цветы. Те обиженно отлетели в угол комнаты.

– Расскажите, пожалуйста, какие отношения вас связывают с швеей Рыной, которая является хозяйкой ателье, что напротив.

– С Рынкой-то? – Лилин недобро сощурилась, бросая на дверь недовольный взгляд. Готова поспорить, взгляд предназначался самой орчихе. – Конкуренты мы.

– А можно поподробнее? – держа наготове стеклышко, уточнила я.

– Ну, раньше я на нее работала. Была первой помощницей, вот только платит она сущие гроши! – возмущенно проговорила Лилин, от испуга не осталось и следа. – Ее помощницы вкалывают с утра до ночи, но не могут себе позволить ни булку с корицей, ни лазурных туфелек! Хотя сама Рына купается в деньгах. Однако жлобится даже на оформление ателье. Вот я и ушла от нее...

– Подспудно прихватив секрет узорчатой вышивки? – поинтересовалась я.

– Аааа, – понимающе протянула Лилин. – И вам она эту сказочку наплела. Не крала я у нее ничего, собственными мозгами к новой технологии пришла, используя лишь расцветку для привлечения клиентов с более худыми кошельками. Это и совсем простаку будет заметно! Ее вышивка с использованием волшебной швейной машинки, а моя – ручная. И у нее еще наглости хватает меня в чем-то обвинять! Да, она искусная мастерица и умеет создавать настоящие шедевры, а я всего лишь одна из тысячи... – Лилин чуть поникла. – Даже не была помощницей у самого Швейганини. Но как бы и не претендую. Мое ателье хоть и выглядит многим презентабельней, но для людей, а не аристократичных зазнаек! Вы цены ее видели? Годовой оклад... ну тех же следователей, к примеру...

– А у вас? – изловчившись, я потянула картонную бирку с одного манекена. Да, Лилин требовала и правда сравнительно низкую цену за свою работу. Даже я могла бы себе подобное позволить, если посижу месяцок на воде и хлебе. – Хм, разница налицо.

– Вот-вот. – Эльфа торжественно выставила вперед указательный палец. – Потому все ее обвинения мне и непонятны! Могу дать образец той ткани с злосчастной вышивкой на экспертизу. Думаю, специалисты тут же определят, что не было никакой кражи!

– Нет-нет, – возразила я. Эльфа производила приятное впечатление, но от своих подозрений в ее причастности я не избавилась. – Я по другому вопросу... Есть вероятность, что замешана эльфийская магия...

– Этим разве не отдел по расследованию преступлений с участием эльфийской магии занимается? – нахмурилась Лилин, но, заметив мой внимательный взгляд, добавила: – Нет-нет, я готова сдать тесты, так как ни в чем постыдном не участвовала.

– Можете дотронуться до чарофикатора. – Я протянула ей стекляшку. – И сотворить любую магию.

Таким образом чарофикатор запомнит слепок магии эльфы, и, вернувшись в ателье Рыны и вновь просканировав помещение, я смогу увидеть следы. Если, конечно же, виновата и правда Лилин.

Эльфа послушно коснулась стекляшки и вполголоса что-то пробормотала – тканевые цветы, пристыженно забившиеся в угол, тут же распахнули лепестки и залетали ярким смерчем по холлу, источая удивительный сладкий аромат.

– Кстати, моя новая задумка! – с гордостью произнесла Лилин. – Тканевые цветы, хранящие и усиливающие аромат настоящих! Я их цепляю на шляпки. Ландивические модницы уже в очередь встали за нами, но я хочу запустить их более торжественно. Но вам могу подарить одну! Мой отец служил в органах, потому я не понаслышке знаю, как трудна ваша работа!

– Нет-нет, я на службе – отказалась я, прикладывая стеклышко к глазам и осматривая помещение. Да, все сработало так, как надо. В воздухе витала магия. Бледные салатные, невидимые обычным взглядом ниточки переплетались в тугие косы и складывались в паутины, растекающиеся по комнате. Все ателье было пропитано чарами, начиная с манекенов и заканчивая витающими шляпками. Наверное, у эльфы огромный резерв, раз она с такой легкостью переплетает магические нити.

– А по поводу эльфийской магии, – внезапно произнесла Лилин, – так проверьте ее дружка!

– Дружка? – переспросила я.

– Ну да! – эльфа захлопала накладными малиновыми ресницами. – У Рыны же ухажер нашей расы! Орчиха и эльф, ха! Да об этом можно слагать баллады. Только мне кажется, что Рына напоролась на настоящего альфонса! На него-то она денег не жалеет, хотя сам он настолько изнежен, что только и может, что сидеть и плевать в потолок.

– Хм, спасибо за информацию, – пробормотала я, направляясь к выходу.

На всякий случай незаметно навесив на дверь временный маячок, чтобы эльфа не сбежала, я вышла из ателье «Павлиний хвост».

Перейдя дорогу, вновь очутилась в «Леди Рыны» – от сладкого цветочного аромата не осталось и следа, как и от мраморных полов. Зато тут кипела работа – помощницы орчихи носились по залу и что-то искали. Увидев меня, Рына тут же подошла поближе. На секунду мне показалась, что она от любопытства вцепится в меня своими огромными ручищами и переломает все кости.

– Ну что? – низким голосом спросила она, нависая надо мной.

Приложив к глазам чарофикатор, запомнивший магию эльфы, осмотрела помещение. Чисто. Никак не комментируя собственные действия, прошла в личную мастерскую орчихи. И тут ничего.

– Рына, скажите, пожалуйста, а где сейчас находится ваш... кхе... молодой человек?

– Гиголло? – удивленно вскинув густые брови, поинтересовалась орчиха. – Дома он, наверно. А что такое?

– А я могла бы с ним переговорить?

– Конечно, – протянула Рына. – А что эта Лилин сказала?!

– Пока у меня нет никаких доказательств ее вины, – прохладно ответила я. – Потому хочу переговорить с вашим Гиголло.

– Ну, конечно же, нет доказательств, – под нос забурчала орчиха, – наверняка мзду дала, вот и нет. Ее покровитель щедр к своей шлюхе...

– За неоправданное обвинение следствия в подобном преступлении можно напороться на штраф за поклёп, – спокойно ответила я. Следователям часто приходится слышать подобные обвинения, мы уже привыкли. Хотя, признаюсь, иногда за них очень хочется стукнуть. Но нельзя – устав...

– Прошу прощения, – процедила орчиха, шумно выдыхая. – Просто весь день наперекосяк, вот и лаю на всех по делу и без.

Она подошла к деревянной стенке и начала простукивать какую-то комбинацию. Тук-туктуктук-тук. Стенка медленно, но беззвучно отъехала, являя взору крутую лестницу, ведущую наверх. Вот, значит, где живет сама орчиха. Очень удобно.

– Пойдемте, посмотрим, чем мой сусличек занимается, – с нежностью произнесла она, ступая в проем.

«Сусличек» лежал на диване и задумчиво взирал в потолок. На всякий случай перепроверив, я убедилась, что потолок самый обычный. Никаких произведений художественного искусства на нем не отражалось.

– Рыыбонька, – протянул он, увидев орчиху. – Устала? Чаю?

Гиголло вскочил с дивана и подлетел к орчихе, вытягивая губы трубочкой и чуть ли не подпрыгивая, чтобы дотянуться до ее лица. А после приметил меня. Стушевался, распознав форму следователя, покраснел до самых кончиков торчащих ушей.

– Леди следователь с тобой хотела переговорить, – елеинно произнесла Рына, масляным взглядом смотря на растерянного Гиголло.

– Доброго дня, – привычно произнесла я, – хотя, наверное, уже вечера. У меня есть пара вопросов.

Гиголло шумно сглотнул, но кивнул.

– Не могли бы вы дотронуться до чарофикатора, – устало произнесла я. – И произнести какое-нибудь заклинание.

Эльф дернулся.

– А зачем? – пробормотал он.

– Следственный эксперимент, – брякнула я. – Нужен слепок вашей магии, чтобы проверить ее уникальность.

Врала, конечно. Но не хотелось углубляться в подробности, да и сам Гиголло производил впечатление нечистого на уши эльфа. Неплохо, если отпечаток будет в нашей с Бираном личной базе. Надо будет только не забыть перенести все данные с чарофикатора в архив, и не надо будет делать запрос в эльфо-отдел при необходимости.

Гиголло, испуганно поглядывающий на выжидающую со скучающим лицом Рыну, дотронулся до кругляша и что-то пробормотал. В комнате запахло сливами, а куст, стоящий в углу, вырос на несколько сантиметров, зашуршав зелеными ветками.

Так, слепок взят. Поднося стекляшку к глазам, я начала оглядывать помещение. От эльфа к деревцу тянулись чуть грязноватые салатные нити. Не такие яркие и крепкие, как в ателье Лилин, но вполне узнаваемые, с ярким эльфийским отражением. Я хотела было убрать стекляшку в карман и спуститься вниз, чтобы проверить мастерскую, как вдруг взгляд зацепился за диван. Тот самый, на котором ранее возлежал сам Гиголло. От пестрой подушки с яркой вышивкой тоже тянулись нити. Более яркие книзу, а чуть бледноватые, почти пунктиром, к самому эльфу. Если не ошибаюсь, именно под этой комнатой располагается мастерская Рыны.

Гиголло затравленно заерзал, обоими глазами мне подмигивая. Рына напряглась, замечая ухищрения суженного.

– Опять глаза бабам строишь? – рыкнула она, отвешивая эльфу подзатыльник. Несмотря на замахи, на ногах Гиголло устоял, лишь пошатнулся.

– Нет, – пробормотала я. – Просто ваш Гиголло явно хочет вам что-то рассказать.

Широким шагом сократив расстояние до дивана, я резким движением сорвала подушку. Под ней лежали стройные ряды разноцветных ниток, в том числе моих, с небольшим кровавым пятнышком. Извлекая улику из общей кучи, я положила ее в карман.

– Ах ты! – взревела Рына, нависая над испуганно сжавшимся эльфом. – Кусаешь кормящую руку, сволота ушастая?! Да я тебе по этим ушам надаю! – Дабы не быть обвиненной в голословности, орчиха тут же треснула эльфа по достоинству. Тому, что сверху.

– Да я тебе на эти уши яйца натяну! – сокрушалась Рына, наседавая на Гиголло.

Следом досталось и нижнему достоинству, эльф взвыл.

– Но я... – пищал он, отступая назад. – Но я просто хотел... с тобой... больше времени проводить...

– Больше времени? – елеинно протянула орчиха. – Получи, поганец!..

– Кхе-кхе, – вмешалась я в семейную идиллию. – В общем, пошла я. Если захотите о побоях заявить, найдете...

– Ни о каких побоях он заявлять не будет, – гаркнула орчиха, а потом зловеще нависла над Гиголло, – ходить не сможет...

– Вот и ладушки, – улыбнулась я и направилась к выходу, не обращая на умоляющий взгляд эльфа никакого внимания. В том, что Рына оставит его в живых, как и в относительном здравии, – я не сомневалась. Да и была она в одну десятую силы, хотела бы прикончить – стукнула бы разочек по башке. А вот вмешиваться в семейные разборки не хотелось – потом еще и крайней останусь. Мне и так рапорт писать...

Из ателье «Леди Рыны» я вышла уже в хорошем настроении. Прохожие уже не раздражали своими довольными улыбками, а солнце не так слепило глаза. Да и головная боль прошла, уступив легкости. Сколько у меня там на счету было раскрытых дел? Триста восемнадцать? Теперь триста девятнадцать!

Перед глазами замелькали картинки сегодняшнего утра. Дети в подвалах – изможденные, грязные, голодные. Настроение вновь пошло на убыль.

Так, а это что такое?! Среда бела дня?!

В конце улицы стоял торговец, выложивший свой товар прямо на узорчатое покрывало. Мерцающие браслеты, отгоняющие мух, парики, цвет которых настраивался вручную по запросу покупателя, танцующие туфли – множество мелочей, на продажу которых требовалась дорогостоящая лицензия! Такие вещи обычно продают на черном рынке или в дорогих лавках околослужбцового района, но не на главной торговой улице Ландивичево! Это чистой воды наглость...

Торговец поднял на меня взгляд и, приметив форму и решительность на моем лице, мгновенно свернул покрывало в плотный узелок. Я дернулась в его сторону, вознамерившись догнать и задержать наглеца. Но, зацепившись за выпирающую бордюру, позорно распласталась на брусчатке, больно ударившись подбородком. Дыхание сбилось, перед глазами заплясали разноцветные мушки...

Позвольте представиться, Кира Форн – следователь-неудачник!

Поморщившись, я кое-как поднялась. Ни один из многочисленных прохожих и не подумал подать руку. Впрочем, оно и неудивительно, хорошо, хоть смешки сдержали. Обидно только, что торговцу удалось скрыться. Я даже не успела заметить, в какой из проулков тот ускользнул. Прислоняя к подбородку рукав, чтобы кровь не растекалась, я направилась к месту, где раньше стоял торговец. Может, остались какие-то следы.

За невысоким фонтанчиком, рядом с которым тот спекулировал, лежало что-то зеленое и пышное. Видимо, торгаш не успел сгрузить в общую кучу... ЭТО. Из перевернутого горшка высыпалась земля, а растение тонкими листочками пыталось собрать ее в кучу и запихнуть обратно. Белые бутоны измазались в грязи, а тонкие светлые корни колыхались на ветру. Обреченно сложив тонкие стебли, растение прильнуло к брусчатке, извиваясь в беззвучных рыданиях. Мда, очередная излишне эмоциональная зелень. Правда, на этот раз не кактус, а спати-филлум.

Тяжело вздохнув, я присела перед растением на корточки, собирая землю в горшок и присыпая обнаженные корни. Живое же существо! Не хочу смотреть, как оно страдает. Спати-филлум удивленно приподнял один из бутонов, внимательно следя за моими движениями. После, воспрянув остальными белыми отростками, попытался отряхнуться от налипшей грязи. Серые ошметки перекочевали на мои и без того устряпанные брюки.

– И что с тобой делать?.. – пробормотала я. Растение расправило листочки, явно красуясь и намекая, что на столе оно будет выглядеть просто потрясающе. – Очередное недоразумение природы...

Спати-филлум заколыхал зеленью, не соглашаясь с последней фразой. Но после, опомнившись, вновь начал отряхиваться от грязи и призывно изгибаться бутонами, стараясь показаться красивей, чем он есть на самом деле. На светлом керамическом горшке было выбито «Леон». Похоже, эти ошибки флоры и фауны просто обязаны носить имена – у Жоржа на горшке тоже было выбито.

– Ну, возьми тебя с собой, – произнесла я. – Познакомлю тебя с колючим кошмаром моей жизни. Но только попробуй с ним подружиться! Выброшу... Вот честное слово, выброшу!

Прижав горшок со спати-филлумом Леоном к груди, я захромала к отделу. Но кто же знал, что этот день рискует стать бесконечно долгим?

Глава 5

До отдела мы с Леоном ковыляли, наслаждаясь косыми взглядами прохожих. Точнее, ковыляла я, а Леон восседал на руках, рассыпая землю из чуть треснутого горшка.

Даже не представляю, что могут подумать, глядя на нас: устряпанная с ног до головы девушка-следователь, с подбитым подбородком и стекающей к шее дорожкой крови, которая гордо несет в руках спатириллум, тоже, кстати, измазанный в земле и грязи. Надеюсь, они посчитают, что я вырвала Леона из лап флоридеров. Ну или древнейшего драконообразного на крайний случай. Хотя если вспомнить, на что способны флоридеры, то даже самый кровавый дракон – милая ящерка по сравнению с этими извергами.

Мы с Бираном вели одно дело, в котором группировка с ярким названием «Лилия Смерти» орудовала по району и с особой жестокостью истребляла и без того редкие живые растения. Они не чурались забираться в чужие дома, высыпать землю из горшков в форме причудливых знаков, а у самой зелени вырывали корни, один за одним – чтобы жертва оставалась в сознании и чувствовала боль каждой веточкой, каждым отростком, каждым бутонем.

Возле отдела стояла высокая синяя повозка с замутненными магией стеклами. Видимо, к нам пожаловала какая-то важная шишка. Стараясь не привлекать лишнего внимания, я шмыгнула внутрь и, стремительно проскочив мимо связиста, попыталась незаметно проникнуть в кабинет. Спатириллум, словно все понимая, тоже сжал все свои лепестки и старался казаться крохотным кустиком, а не пышным цветком.

До кабинета я умудрилась добраться, не напоровшись на начальство и посетившую наш отдел шишку, – сидят, наверное, чаи гоняют. Только хотела перевести дух, отряхнуться от грязи, избавиться от пореза и насыпать новой земли Леону, как вдруг услышала ледяное:

– Доброго вечера, Кира Форн.

Испуганно ойкнув, я развернулась к углу, что справа от входа, и увидела Леннарта Арне собственной персоной. И что только забыл в нашем клоповнике?!

– Здравствуйте, – неуверенно пробормотала я. Леон замер, словно был обычным цветком.

– Не знал, что в районных отделах все настолько плохо, что следователи позволяют себе расхаживать в подобном виде по улицам, – процедил он, пройдясь по мне взглядом. – Или вы не знаете простейших чар очистки?

Да знаю я, все знаю. Просто срабатывают они у меня очень криво. Ошибись я хоть в одном векторе, щеголять мне с огромной дыркой на самом неудобном месте. Ведь с вышивкой у меня все куда хуже.

– Виновата, – вместо этого ответила я, пристыженно опустив взгляд. Вот на кой дладж он приперся к нам в отдел, еще и без предупреждения?! Неужели допроса меня и Бирана с использованием зелья искренности было мало?

– Гляжу, порядком в кабинете вы тоже порадовать не можете? – вскинув темные брови, поинтересовался он.

Еще один воспитатель на мою голову. Привыкший к личной секретарше и протиранию брюк, сидя за бумажками! Поносился бы он сломя голову по району, позаполнял бы бесчисленное количество протоколов, рапортов и прочей макулатуры – узнал бы, что с такой занятостью не до порядков. Вот если бы в сутках было на пару часов больше, а для сна требовалось времени меньше, то кабинет бы был вылизан! Наверное. Но это не точно. Вслух же ничего не сказала, только прошла к собственному столу и водрузила на него Леона. Тот все еще активно косил под неживого.

– Я позволил себе чуть покопаться в ваших делах... – серьезно произнес он. Я хмыкнула, но вовремя осеклась и попыталась скрыть это за кашлем. Вышло, похоже, не очень, – Я сказал что-то смешное?

– Нет-нет, что вы, продолжайте, – ответила я, стараясь не представлять, как Арне выписывает сам себе ордер, сам же оставляет подпись и сам себе предъявляет, чтобы углубиться в наш с Бираном рабочий бардак.

– И не нашел протокола и рапорта о сегодняшнем преступлении с участием отшельников. Где он?

Дладж! В тот момент было немного не до протоколов, а составлению рапорта я предпочла здоровый сон. Ну или болезненное подремывание...

– Более того, – тем временем продолжил Леннарт Арне, – почему мне не было доложено лично об этом, хотя что вам, что Бирану отлично известно, что я курирую все происшествия с участием отшельников?

– Простите, я не думала... – попыталась оправдаться я.

– Вас никто не просит думать! – резко перебил лорд. – Вам просто надо делать. Если уж сами не в состоянии справляться с обязанностями, позвольте другим!

– Простите, мне хотелось уточнить... Если меня никто не просит думать, а лишь делать, то откуда мне надо узнавать о том, чем именно мне предстоит заняться? – очень хотелось заткнуть себе рот обеими руками, но, кажется, меня понесло. – Более того, в следователи берут тех, кому это самое «думать» не пригодится?

– Выговор, – процедил Леннарт Арне, – с занесением в личное дело.

– Прекрасно, – пробормотала я, скрывая раздражение. Интересно, если выговор от настолько высокого начальства, то я вообще смогу задержаться на работе?

– Именно из-за вашей халатности, – продолжил Арне, – безалаберности, безответственности, неряшливости и непроходимой глупости я до сих пор не могу распутать то дело, которое вы вели!

– То есть распутать не можете вы, а глупая я? – сорвалось с языка раньше, чем я его отрезала, искромсала и выкинула куда подальше. Ведь лишь спустя секунду до меня дошел весь смысл сказанных слов. Ужас удушливой волной припал к горлу, ноги стали ватными, а голова – чугуновой. Я затравленно ожидала реакции Арне – еще один выговор? Увольнение? придушит своими портками прямо тут? И будет прав, между прочим! Не про портки, конечно, но про выговор как минимум. Не умеешь ты, Кира, язык за зубами держать! Особенно когда вообще надо притвориться тряпочкой! Вот Леон, молодец, даже не шелохнулся ни разу! Вот с кого пример брать надо.

Лорд Арне крепко стиснул губы и прожигал меня взглядом.

– Кира, я вер... – в кабинет влетел Биран, – ...нулся. Доброго вечера, лорд Арне. А?..

– Доброго, Биран Лорш. Позвольте узнать, где вы так долго пропадали? Вызовов не было.

– По личным вопросам, – спокойно ответил Биран.

– По личным вопросам в рабочее время? – ехидно поинтересовался Арне.

– Рабочее время бесстыдно забирает время личное, потому я иногда себе позволяю подобную вольность. – Напарник улыбнулся.

– Вы тут совершенно распоясались! – рыкнул Арне. – Следователи непонятно где шляются, после чего появляются в весьма отвратном виде, дела раскиданы, словно драконье дерьмо по полю, половины документов вообще не хватает!

– Мы не были готовы к приходу гостей, – пробормотал Биран. Ну он-то что творит?! Почему не может просто опустить голову в пол и принять все претензии? Буквально в пол.

– Еще и хамство! Неприкрытое хамство... – выдохнул Арне.

– Если речь о деле с детьми, то вот протокол, – внезапно произнес Биран. Я удивленно посмотрела на бумажки, что он протягивал Леннарту. Тот оперся на стол Бирана, вознамерив-

шись прочитать. Пожалуй, если Жорж Жоржастик сейчас укусит лорда за задницу, то я прощу суккуленту все грехи, начиная с сожратых улик и заканчивая постоянным подтруниванием.

– Учитесь, Кира, – кивнул Леннар. – И при этом вы еще и старший следователь? Ваш напарник многим умнее и предусмотрительнее.

Это он сейчас нас стравить пытается? Не выйдет. Слишком просто. Биран тем временем обеспокоенно разглядывал мой костюм и подбородок, взглядом пытаясь спросить, что со мной стряслось.

– Вы же, – продолжил он, – документацию не умеете вести от слова совсем. Лишь парочка верно составленных протоколов по кражам и изнасилованиям. А изнасилование – преступление, придуманное женщинами. – Леннарт недовольно поморщился. – Сперва раздвинут ноги, спровоцируют, а потом кричат «караулбатушки»!.. Тьфу.

Ярость обволакивала медленно. Проникала в самое сердце. Заливала глаза алой пеленой. Заставляла ногти впиваться в ладони, до крови. Я с ненавистью смотрела куда-то сквозь...

«Не преступление» ...

Тук. Тук. Тук.

Сердце заглушало окружающие звуки, вырываясь из ребер, играющих роль тюрьмы.

«Придуманное женщинами» ...

Краска приливает к щекам. Такое чувство, что, прислони я к ним палец, тот расплавится.

«Сперва провоцируют» ...

Пелена становилась все гуще и гуще, разделяла границу между реальностью и воспоминаниями...

– А еще, а еще... – протянула я, – я с мальчиком теперь дружу! Он бы тебе понравился, Танг очень-очень добрый. Только вот Диране не по душе. Говорила, что скользкий он и взгляд нехороший. Я тогда на нее обиделась...

В ответ тишина. Даже птицы уже не пели свои песни со стрекозами в дуэте. Разве что филин ухал где-то вдалеке. Я говорила на протяжении нескольких часов, без остановок. Язык заплетался, очень хотелось пить, но я рассказывала и рассказывала, глядя на гладкий камень, как в глаза собеседнику. Мне казалось, Она слышит. Слышит и отвечает, просто я глухая.

– Эх, мама-мама, не хватает нам тебя... – я шмыгнула носом, стараясь побороть возникший в горле ком. – Диранка заставила в лицей пойти, говорит, что учиться очень важно. А сама на трех работах впахивает. И так умаялась, что даже сегодня не пришла, с температурой свалилась... Нет-нет, соседи помогают, кто чем может. Но... уже год прошел. Надо как-то привыкать к самостоятельной жизни...

Вдали снова заухал филин. Дладж! Уже так поздно! Сестра, наверное, заждалась...

– Ладно, мамочка, – я с нежностью погладила холодный камень, – я пойду! А то Диранка заругает.

Смахнув слезу, я действительно ушла. Расшвыривая мелкие камушки по тропинке, побрела сквозь лес. Страшно не было, ведь мама наверняка рядом и оберегает. Это только тела перестают существовать, но духи все равно подсказывают верную дорогу. Луна светлой дорожкой освещала путь. Сверху редкими ветками нависали кроны деревьев, создавая замысловатые тени. Одна похожа на злого колдуна в длинной шляпе, а вторая – на чудаковатое животное с горбом.

Внезапно вдали показались три фигуры. Дернувшись от испуга, я попятилась к кустам – лишь бы не заметили. Нечего честным людям так поздно у погоста делать. Я – другое дело...

Напрягая зрение, я увидела, кто именно шел по тропинке.

– Танг! – я с радостным воплем выскочила из кустов. Все трое на секунду отпрянули, испугались. Но, увидев меня, расслабились. Тех двоих, с которыми шел Танг, я не знала. Может, из соседней деревни. Но если сам Танг тут, то бояться мне нечего.

– К-и-ира? – сощурившись, спросил он. – Ты-ы тут что-о делае-ешь?

– Танг, ты пьян? – удивленно прошептала я. Никогда еще не видела любимого в таком состоянии.

– Хех, – глупо усмехнулся Танг. – Ну-у что сра-азу пья... ик... н?! Вы-ыпил маля-ям-с.

– Ладно. – Я помотала головой, отгоняя дурные мысли. Лучше с ним завтра поговорить, а сейчас бежать, а то Диранка заждалась. – Я домой пошла!

– Танг, – внезапно подал голос второй, с длинными темными волосами, собранными в хвост. Не ходят деревенские с такими прическами... – Это что, твоя девушка?

Черноволосый подошел ближе и вперился в меня взглядом. Сердце екнуло, но я постаралась успокоиться. Танг рядом, он не даст меня в обиду.

– Хорошенькая, – он цокнул и ущипнул меня за щеку, – Шарни, ты глянь... И волосы такие длинные...

Второй приятель Танга, похожий на гору, тоже подошел поближе. Густые брови недовольно нависали над глазами, а челюсть ходила туда-сюда, словно тот что-то жевал.

– Ну ничо такая, – низким басом произнес Шарни.

– Танг, а с хорошим что надо делать? – усмехнулся длинноволосый.

– Оберега-ать? – пошатываясь, ответил Танг.

– Делиииться! – торжественно поправил длинноволосый.

Все произошло быстро, больно, страшно, холодно и горько. Танг не помог, просто стоял в стороне и поглядывал с кривой усмешкой. Ни криков, ни мольбы о помощи не услышал никто. Даже мама... Хотя мне так хотелось верить, что она поможет. Раскидает этих мразей. Или позовет на помощь.

Глотая слезы, я кое-как доковыляла до дома. Горел каждый участок тела, но самая разрывающая боль была внутри. Танг... Как ты мог?!

Окна дома смотрели на меня безжизненными пустыми глазницами – свет не горел, а значит, Диранка спит. Не дождалась. Но, может, оно и к лучшему...

Дорога расплывалась от слез, а всхлипы потревожили дворового пса. Но, по запаху узнав меня, он завилял хвостом и вывесил набок язык. Уйди, Лёки, не до тебя сейчас...

Войдя в сарай, я доковыляла до ящика с инструментами. Тугая веревка лежала сверху. Не хочу жить... Танг... Как ты мог?! Чем я это заслужила?! Что я сделала не так?..

Руки не слушались, веревка выпадала из рук. Разозлившись, я с силой кинула ее в стену и вновь разрыдалась. Сильно укусив себя за руку, я пыталась заглушить звук. Не хотела, чтобы Дирана знала. Не хотела, чтобы вообще кто-либо знал... Этот темнявый наверняка из знати, ему вообще ничего не будет! Скажут, что сама виновата, нечего ночами шастать! Ненавижу! Его и его дружка! Но больше всех ненавижу Танга!

Бессильно выдохнув, я опустилась на корточки. Не хочу жить... Откинувшись назад, ударилась головой о стену. Боли не почувствовала – да и хватит ее с меня на сегодня. Ударилась еще раз, но намеренно.

Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Он стоял и смотрел. И эта усмешка... Вовек не забуду эту усмешку.

С ненавистью стиснув губы, я почувствовала, как по подбородку что-то потекло. Вспоминая, как его трогали эти грязные пальцы, эти мерзкие слюнявые губы, я вскочила. Выбежав во двор, я двинулась к огромной бочке с водой и принялась умываться. Ледяная вода опалила кожу свежестью, но я с остервенением черпала и поливала себя.

Я грязная.

И лишь когда черпалка стукнулась о дно бочки, а я сама уже наполовину туда залезала, чтобы достать воду, нахлынуло спокойствие.

Вдали показалась тонкая линия рассвета. Уже подкукарекивали первые петухи...

Нет, никто не должен узнать о моем позоре. Но... тогда *они* останутся безнаказанными? Впрочем, они и так останутся безнаказанными... В прошлом году Шона плакалась, жаловалась, но все равно сказали, что она сама виновата. И тут так будет, и осуждать будут, и за спиной шептаться, а может, кто осмелится и вслед плюнуть. Да и что сестра почувствует, уйди я за матерью?..

Ну уж нет...

Тихонько зайдя в дом, я проскользнула в свою комнату и стянула вещи. Напялив дурацкий свитер под горло и длинную юбку, вывесила мокрую одежду за окошко. Когда она подсохнет, можно будет ее сжечь. Насухо вытерев полы, направились на кухню и принялась за готовку. Нет, сестра не узнает. Никто не узнает. Но... но я хочу наказывать таких мразей.

– Ты чего так рано вскочила? – раздался сонный голос сестры позади. От неожиданности вздрогнув, я уронила нож. – Вот кулема!

– До... доброе утро! – тихо поздоровалась я, оборачиваясь.

Вглядевшись в мое лицо, Дирана произнесла:

– Ты что, вообще не ложились? И опять рыдала?!

– Не рыдала я, – поспешно ответила я.

– А то я не вижу, – буркнула сестра, присаживаясь за стол. – Прости, что с тобой не сходилась. Я тоже по маме скучаю...

Мама... Кажется, с нашего с ней разговора там, у могилы, прошла целая вечность.

– Угу, – все, что я смогла из себя выдавить.

– Что у тебя с губой? – внезапно спросила сестра, расчесывая пальцами длинные темные волосы с завитками книзу. Такие же, как у мамы были.

– За ветку зацепилась, – тихо ответила я, стараясь никак себя не выдать. – Диран... Я больше не хочу в лицей ходить...

– Опять ты начинаешь, – поморщилась сестра. – Это даже не обсуждается! Если ты не получишь образование, то так всю жизнь и просидишь в этой дыре!

– Нет, нет... Ты не поняла, – пробормотала я. – Я хочу в столицу ехать... В академию поступить. От меня тут все равно никакого проку, да и тебе мешаю с Ларком. Я ж знаю, что вы давно уже обвенчаться хотите, но из-за меня...

– Не мели чепухи, – строго одернула Дирана. – То есть... Если ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочешь в академию, но не ради меня, а ради себя, то хорошо... Но если...

– Ради себя, – закивала я, – хочу стражем стать, или следователем, или судьей... Куда поступить удастся. Я понимаю, что это затратно. Потому давай я пока оставлю лицей, буду работать, готовиться к поступлению...

– Кир, – мягкая теплая рука коснулась моей. Я инстинктивно дернулась. – Что с тобой? Внимательный взгляд Бирана напротив.

– А? Прости, задумалась, – ответила я. – А куда этот делся?

– Этот забрал протокол осмотра и ушел, – мрачно усмехнулся Биран. – Кажется, его сильно смутил твой ступор. Так что возьми на вооружение.

– А протокол-то откуда? – поинтересовалась я, унимая дрожь в руках и проходя к столу.

– А я к отделу подошел и повозку увидел. Решил, что по нашу душу. Уж слишком плотно лорд Арне взялся за отшельников. Забежал в подворотню и начеркал по памяти, стараясь вспомнить все возможные детали.

– Здорово... – протянула я. Внезапно на мою руку опустился тонкий зеленый стебель. Леон ласково поглаживал пальцы, всеми бутонами источая сочувствие. Кажется, он чувствовал себя виноватым. Глупый, ты-то тут при чем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.